



# Суд Евразийского ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

*Обзор практики международных судебных органов  
и судов государств – членов Союза  
по вопросам, представляющим интерес для Суда ЕАЭС*

Январь 2022, № 3

подготовлено Секретариатом Суда ЕАЭС

## Оглавление

I. Международные судебные органы .....	5
Суды интеграционных объединений .....	5
Суд Европейского союза .....	5
1. <i>Европейская комиссия против Венгрии (С-78/18): свобода движения капитала на внутреннем рынке ЕС и введение ограничений на финансирование организаций из-за рубежа</i> .....	5
2. <i>Европейская комиссия против Венгрии (С-66/18): право на академическую свободу, образование и предпринимательство в контексте соблюдения Европейским союзом норм Генерального соглашения по торговле услугами</i> .....	7
3. <i>Infineon Technologies AG против Европейской комиссии (Т-758/14 RENV): влияние степени вовлеченности участников картельного сговора и числа встреч на сумму штрафа</i> .....	10
4. <i>B.S., С.А. против Национального совета фармацевтов Франции (С-663/18): свобода передвижения товаров в ЕС и продажа электронных сигарет с каннабидиолами</i> .....	12
Суд Европейской ассоциации свободной торговли .....	16
5. <i>Abelia &amp; WTW AS против Надзорного органа ЕАСТ (Е-9/19): государственная поддержка компаний, оказывающих услуги в сфере здравоохранения, и нарушение конкуренции</i> .....	16
Суд Андского сообщества .....	18
6. <i>Дело 02-AN-2019 о признании недействительным решения № 848 Комиссии Андского сообщества: применение обеспечительных мер по ходатайству истца</i> .....	18
7. <i>Постановление Суда Андского сообщества от 31 июля 2020 года (01-AN-2019): понятие контроля законности решений Комиссии Андского сообщества</i> .....	21
Европейский суд по правам человека .....	23
8. <i>Гвюдмюндюр Андри Аустраудссон против Исландии «Gudmundur Andri Ástráðsson v. Iceland» (жалоба № 26374/18): право на независимый и беспристрастный суд, созданный на основании закона</i> .....	23
9. <i>Сакетти Иглесиас против Испании «Saquetti Iglesias v Spain» (жалоба № 50514/13): компенсация за несправедливо назначенный</i>	

<i>административный штраф ввиду недекларирования наличных денежных средств при прохождении таможенного досмотра в аэропорту</i> .....	25
Орган по разрешению споров Всемирной торговой организации.....	28
<i>10. Саудовская Аравия: меры, касающиеся защиты прав на интеллектуальную собственность (DS567: Saudi Arabia — Measures concerning the Protection of Intellectual Property Rights)</i> .....	28
<i>11. КНР против США: меры тарифного регулирования в отношении определенной категории товаров из Китая (DS543: United States — Tariff Measures on Certain Goods from China)</i> .....	30
Международные административные трибуналы .....	33
Административный трибунал Международной организации труда .....	33
<i>12. M. v. United Nations Industrial Development Organization (UNIDO): обжалование результатов конкурсного отбора</i> .....	33
Апелляционный трибунал ООН .....	34
<i>13. Решение Апелляционного трибунала ООН по делу Hine-Wai Kapiti Loose v. Secretary-General of the United Nations: бремя доказывания в трудовых спорах, связанных с непродлением контракта ввиду нехватки финансирования должности, при отсутствии финансового обоснования</i> .....	34
<i>14. Решение Апелляционного трибунала ООН по делу Niverte Noberasco v. Secretary-General of the United Nations: справедливая и всесторонняя оценка кандидатуры на должность как условие соблюдения законности конкурсного отбора</i> .....	36
II. Судебная практика государств – членов ЕАЭС .....	38
Республика Армения .....	38
<i>15. Решения Конституционного суда РА, связанные с применением права ЕАЭС</i> .....	38
Республика Беларусь .....	38
<i>16. Решение Верховного Суда РБ № 10-15/2020: условия включения юридического лица в реестр уполномоченных экономических операторов</i> .....	38
<i>17. Решение экономического суда г. Минска по делу № 157-25/2020: вопросы классификации товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС</i> .....	40

18. Решение суда района города М. от (извлечение...): применение норм права ЕАЭС о таможенном декларировании наличных денежных средств .....	42
Республика Казахстан .....	43
19. Судебная коллегия по гражданским делам Алматинского областного суда (Постановление № 1999-20-00-2а/875): ответственности таможенного представителя в связи с неправильной классификацией товаров .....	43
20. Судебная коллегия по гражданским делам Карагандинского областного суда (Постановление № 3599-20-00-2а/2103): распределение бремени доказывания при оспаривании решения о классификации товаров .....	45
Кыргызская Республика .....	47
21. Постановление Верховного Суда КР (дело № АД-1053/19 мбс8, к/п № 6-428/20 АД): начисление таможенных платежей в связи с отсутствием лицензии на ввоз товара .....	47
Российская Федерация.....	48
22. Определение Конституционного Суда РФ № 847-О: оспаривание хозяйствующим субъектом конституционности положений Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза .....	48
23. Определение Верховного Суда РФ № 309-ЭС20-6309 по делу № А76-43058/2018: запрет ввоза в Россию товаров, прошедших таможенное оформление в другом государстве – члене ЕАЭС, из государств, применивших экономические санкции в отношении российских лиц .....	50
24. Определение Верховного Суда РФ № 304-ЭС20-17125 по делу № А46-11894/2014 (ООО «Производственное предприятие «Ремдизель»): пересмотр дела по новым обстоятельствам .....	52
25. Апелляционное определение Верховного Суда РФ № АПЛ20-40: оспаривание писем Министерства финансов Российской Федерации и Федеральной таможенной службы .....	55

## I. Международные судебные органы

### Суды интеграционных объединений

#### Суд Европейского союза

*1. Европейская комиссия против Венгрии (C-78/18): свобода движения капитала на внутреннем рынке ЕС и введение ограничений на финансирование организаций из-за рубежа<sup>1</sup>*

В решении от 18 июня 2020 года по делу C-78/18 *Commission v. Hungary*<sup>2</sup> Суд ЕС пришел к выводу, что законодательство Венгрии, требующее регистрировать, декларировать и публиковать сведения о финансировании из-за рубежа в отношении некоторых категорий общественных организаций под угрозой применения к ним санкций, представляет собой дискриминационные и неоправданные ограничения деятельности как самих организаций, так и лиц, оказывающих им финансовую поддержку<sup>3</sup>. Суд ЕС указал, что подобные ограничения несовместимы с положениями учредительных договоров ЕС о свободе движения капитала, а также противоречат Хартии Европейского Союза об основных правах (далее – Хартия), гарантирующей право на частную и семейную жизнь, защиту персональных данных и свободу ассоциаций.

Суд ЕС установил, что законодательство Венгрии ограничивает свободу движения капитала, гарантированную статьей 63 Договора о функционировании ЕС (далее – ДФЕС), и носит дискриминационный характер, поскольку устанавливает различное обращение по отношению к внутригосударственному и трансграничному перемещению капитала, что не обусловлено наличием объективных отличий. По мнению Суда ЕС, такой подход способен ограничить финансирование соответствующих организаций физическими и юридическими лицами, учрежденными в других государствах-членах. Более того, законодательное требование разглашения информации о лицах, находящихся в других государствах – членах ЕС, оказывающих финансовую поддержку фондам и ассоциациям Венгрии, способно

---

<sup>1</sup> Подготовлено начальником экспертно-аналитического отдела К.В. Энтиным.

<sup>2</sup> ECLI:EU:C:2020:476

<sup>3</sup> Положения закона 2017 года, призванного обеспечить прозрачность деятельности некоммерческих организаций, получающих финансирование из-за рубежа, обязывали организации, получающие заграничное финансирование сверх определенной суммы, зарегистрироваться в венгерском суде по месту регистрации как «организации, получающие финансирование из-за границы» с представлением перечня лиц, чей вклад превышает 500 000 форинтов (что эквивалентно примерно 1400 евро), а также размещать на своем сайте и во всех публикациях информацию о том, что они являются «организациями, получающими финансирование из-за границы».

заставить этих лиц отказаться от такой поддержки, а значит, представляет собой косвенную дискриминацию по критерию гражданства. Таким образом, Суд ЕС пришел к выводу, что обязанность регистрации, декларирования и публикации сведений о финансировании из-за рубежа, а также предусмотренные законодательством Венгрии санкции<sup>4</sup> представляют собой ограничение свободы движения капитала в значении статьи 63 ДФЕС.

Суд ЕС напомнил, что ограничение свободы движения капитала может быть введено государством – членом ЕС как по основаниям, перечисленным в статье 65 ДФЕС, так и в иных общественных интересах при условии соблюдения принципа пропорциональности. К подобным общественным интересам относится и повышение прозрачности финансирования тех общественных организаций, которые, в силу преследуемых ими целей и имеющихся у них средств, способны оказать значительное влияние на общественную жизнь. Соответствующая цель может служить оправданием для принятия законодательства, ограничивающего свободное движение капитала из других государств-членов сильнее нежели внутригосударственные движения капитала. В то же время в рассматриваемом споре Венгрии не удалось показать, несмотря на возложенное на неё бремя доказывания, почему соответствующие цели требуют неизбирательного наложения обязательств на все общественные организации, вне зависимости от преследуемых ими целей и имеющихся у них средств и в отношении любого финансирования из-за рубежа, превышающего определённый порог.

В отношении исключений общественного порядка и государственной безопасности, указанных в статье 65 ДФЕС, Суд ЕС отметил, что государства-члены могут ссылаться на данные исключения в случаях, когда на уровне Европейского союза не было принято соответствующее законодательство, а на национальном уровне законодательство направлено на борьбу с отмыванием денег, терроризмом или организованной преступностью. Однако на защиту общественного порядка и государственной безопасности при ограничении свободы движения капитала можно ссылаться лишь в случае реальной, настоящей и достаточно серьезной угрозы основополагающим интересам общества. По мнению Суда ЕС, Венгрия не представила доказательств, свидетельствующих о существовании подобной угрозы. Скорее, закон основывается на презумпции, что любое финансирование общественных организаций из-за рубежа способно

---

<sup>4</sup> Штрафы, а также возможная ликвидация организации по решению суда.

привести к возникновению такой угрозы. Соответственно, Суд ЕС признал, что введенное Венгрией ограничение свободы движения капиталов не является оправданным и что Венгрия нарушила статью 63 ДФЕС.

Рассматривая вопрос о соответствии законодательства Венгрии статьям 7, 8 и 12 Хартии Европейского союза об основных правах<sup>5</sup>, Суд ЕС пришел к выводу, что венгерское законодательство ограничивает реализацию закрепленных в Хартии прав и свобод. В частности, Суд ЕС отметил нарушение свободы объединений, также закрепленного в статье 11 Европейской конвенции о защите прав человека (ЕКПЧ), поскольку как законодательное требование регистрироваться в качестве «организации, получающей финансирование из-за границы» и публично информировать о своем статусе ограничивают возможности ассоциаций и фондов получать финансирование из других государств – членов ЕС и третьих стран и способно оказать сдерживающее воздействие на спонсоров и, таким образом, затруднить деятельность этих организаций и достижение ими своих целей. Кроме того, они способны создать общую атмосферу недоверия к деятельности таких ассоциаций и фондов в Венгрии и стигматизировать их.

*2. Европейская комиссия против Венгрии (С-66/18): право на академическую свободу, образование и предпринимательство в контексте соблюдения Европейским союзом норм Генерального соглашения по торговле услугами<sup>6</sup>*

6 октября 2020 года Суд Европейского союза вынес решение по делу *С-66/18 Commission v. Hungary*<sup>7</sup>, в котором признал Венгрию нарушившей положения Генерального соглашения по торговле услугами (ГАТС), а также Хартии Европейского союза об основных правах в связи с ограничением деятельности в Венгрии высших учебных заведений.

Спор возник в связи с принятием Парламентом Венгрии 4 апреля 2017 года закона о внесении поправок в Закон о высшем образовании (далее – закон 2017 года), согласно которому на территории Венгрии введён запрет на работу любого высшего учебного заведения, зарегистрированного не на территории ЕС, если правительство государства регистрации высшего учебного заведения не заключило с Правительством Венгрии международный договор о фундаментальной

---

<sup>5</sup> Право на уважение частной и семейной жизни, защита персональных данных и свобода объединений соответственно.

<sup>6</sup> Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Е.С. Орловой.

<sup>7</sup> ECLI:EU:C:2020:792

поддержке деятельности такого высшего учебного заведения (далее – специальный разрешительный договор с Венгрией). Также законом 2017 года было введено требование, согласно которому такое зарегистрированное на территории третьего государства высшее учебное заведение должно оказывать образовательные услуги и в стране своего происхождения.

Европейская комиссия посчитала, что Венгрия, требуя от высших учебных заведений, зарегистрированных не на территории ЕС, заключения специальных разрешительных договоров в качестве предварительного условия для предоставления образовательных услуг, не выполнила свои обязательства по статье XVII ГАТС, а требуя от таких образовательных учреждений оказывать образовательные услуги в стране происхождения, не выполнила обязательства по статье 16 Директивы 2006/123/ЕС об услугах на внутреннем рынке<sup>8</sup>, а также статьям 49 и 56 ДФЕС.

В своем решении Суд ЕС впервые применил право Всемирной торговой организации (далее – ВТО) как часть права Европейского союза. Суд ЕС установил, что он обладает юрисдикцией рассматривать и принимать решения по заявлениям, касающимся предполагаемых нарушений права ВТО, поскольку Марракешское соглашение об учреждении ВТО, частью которого является ГАТС, является международным соглашением, заключенным ЕС.

Суд ЕС также указал, что право ВТО является неотъемлемой частью права ЕС, а обязательства, принятые в рамках ГАТС, являются частью общей торговой политики Европейского союза. При этом невыполнение обязательств одним государством – членом ЕС по ГАТС может повлечь за собой международную ответственность Европейского союза как члена ВТО.

Суд ЕС отметил, что данное им толкование права ВТО не налагает обязательства на другие государства – члены ВТО и не оказывает влияние на функционирование Органа по разрешению споров ВТО. Вместе с тем Суд ЕС указал на необходимость учета практики Органа по разрешению споров ВТО при рассмотрении дел, касающихся толкования ГАТС.

В качестве вывода Суд ЕС указал, что требование закона 2017 года о необходимости заключения специального разрешительного договора является нарушением правил доступа на рынок, предусмотренных статьей XVII ГАТС, а также является ограничением права на

---

<sup>8</sup> Directive 2006/123/EC of the European Parliament and of the Council of 12 December 2006 on services in the internal market.



академическую свободу, свободу учреждения и предпринимательства в соответствии с Хартией.

При этом, как отмечает Суд ЕС, введение Венгрией условия о заключении специального разрешительного договора налагает на заинтересованных иностранных поставщиков образовательных услуг дополнительное условие для их предоставления в Венгрии, что дает венгерским национальным поставщикам таких услуг конкурентное преимущество.

Суд указал, что ограничение свободы учреждения допустимо только в том случае, когда оно оправдано общественными интересами и соответствует принципу пропорциональности, что означает, что ограничение подходит достижения последовательным и систематическим образом поставленной цели и не выходит за рамки того, что необходимо для ее достижения. При этом заинтересованное государство-член должно продемонстрировать, что эти совокупные условия соблюдены. Суд ЕС пришел к выводу, что требование о подтверждении оказания услуг в стране происхождения не может быть оправдано аргументами о защите общественного порядка, общественной безопасности, и охраны общественного интереса, касающегося, в частности, необходимости обеспечения хорошего качества высшего образования. В этой связи Суд ЕС счел данное требование нарушающим статью 49 ДФЕС и статью 16 Директивы 2006/123/ЕС об услугах на внутреннем рынке.

Суд ЕС постановил, что принятое Венгрией законодательство может поставить под угрозу академическую деятельность иностранных высших учебных заведений на территории Венгрии и, следовательно, лишит соответствующие университеты автономности, необходимой для проведения научных исследований и осуществления образовательной деятельности. Таким образом, Суд ЕС пришел к выводу, что эти меры ограничивают академическую свободу, защищаемую статьей 13 Хартии. Кроме того, создание этих институтов регулируется статьями 14 (3) и 16 Хартии ЕС об основных правах, поэтому меры, введенные законом 2017 года, представляют собой вмешательство в право на академическую свободу, на образование и свободу предпринимательства. Поскольку различные вмешательства не могли быть оправданы статьей 52 (1) Хартии, Суд постановил, что Венгрия нарушила и нормы Хартии.

Таким образом, Суд ЕС пришел к выводу, что Венгрия, приняв меры, предусмотренные законом 2017 года нарушила свободу предоставления услуг (статья 56 ДФЕС); свободу учреждения (статья 49 ДФЕС); Директиву 2006/123/ЕС об услугах на внутреннем рынке (статью 16); право на академическую свободу, на образование и свободу

предпринимательства, как это предусмотрено Хартией (статьи 13, 14, 16); а также обязательства ЕС в соответствии с ГАТС.

*3. Infineon Technologies AG против Европейской комиссии (T-758/14 RENV): влияние степени вовлеченности участников картельного сговора и числа встреч на сумму штрафа<sup>9</sup>*

В решении от 8 июля 2020 года по делу T-758/14 RENV *Infineon Technologies AG v European Commission*<sup>10</sup> Суд снизил сумму наложенного на истца за участие в картельном сговоре штрафа, приняв во внимание недоказанность Комиссией одной из встреч между конкурентами.

Судебное разбирательство в связи с применением штрафных санкций к участникам картельного сговора, состоявшего из четырех компаний, производящих чипы для смарт-карт: Infineon Technologies AG и Renesas Technology Corp., а также группы компаний Philips и Samsung, инициировано истцом в целях отмены примененного штрафа либо снижения его размера.

В оспариваемом истцом решении Европейская комиссия установила, что в период с 24 сентября 2003 года по 8 сентября 2005 года указанные участники координировали рыночное поведение посредством обмена конфиденциальной информацией, касающейся ценообразования в целом и цены, взимаемой с конкретных клиентов, переговоров по контракту, производственных мощностей, а также информацией относительно их предполагаемого поведения на рынке. Европейская комиссия установила, что такие действия предприятий были направлены на ограничение конкуренции в Европейском союзе.

Европейская комиссия наложила на Infineon Technologies AG штраф в размере 82 784 000 евро. С учетом степени вовлеченности истца в ценовой сговор Европейская комиссия применила 16% коэффициент от объема продаж и предоставила 20% снижение от общего размера штрафа в связи с тем, что участие истца в сговоре доказано только с двумя участниками, и 10 % дополнительное снижение из-за чрезмерной длительности административной процедуры.

Суд общей юрисдикции решением от 15 декабря 2016 года по делу T-758/14 отказал в удовлетворении требований истца об отмене решения Европейской комиссии в той мере, в которой решение касалось истца. По мнению Суда общей юрисдикции, Европейская комиссия правильно установила участие истца в антиконкурентных соглашениях, а при

---

<sup>9</sup> Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела А. А. Турехановым.

<sup>10</sup> ECLI:EU:T:2020:307.

определении суммы штрафа Европейская комиссия не нарушила принцип равенства и пропорциональности.

При рассмотрении апелляционной жалобы в деле С-99/17 Р Суд ЕС решением от 26 сентября 2018 года отменил первоначальное решение и вернул дело в Суд общей юрисдикции на повторное рассмотрение. Суд апелляционной инстанции, поддержав аргументы Суда общей юрисдикции в отношении законности решения Европейской комиссии, тем не менее, пришел к выводу, что Суд общей юрисдикции неверно истолковал пределы компетенции, не изучил все фактические и правовые обстоятельства для проверки соразмерности штрафа совершенному нарушению, особенно в отношении количества антиконкурентных контактов, в которых участвовал истец.

Суд общей юрисдикции в рамках повторного рассмотрения дела RENV оценил доводы истца о том, что 1) Европейская комиссия, применив единый 16% коэффициент ко всем участникам ценового сговора, не учла степень вовлеченности каждого участника, тем самым нарушила положения Руководства 2006 года<sup>11</sup>, 2) Европейская комиссия нарушила принципы равенства и пропорциональности.

Суд общей юрисдикции отметил, что в соответствии с пунктом 23 Руководства в отношении наиболее вредных для конкуренции нарушений, как правило, применяются более высокие коэффициенты; пунктом 21 предусмотрены пределы от 0 до 30%, что логически приводит к выводу о том, что коэффициент выше 15% обоснованно применяется к соответствующим нарушителям. Данный вывод подтвержден решением апелляционной инстанции, который отметил, что коэффициент 16% может быть применен Европейской комиссией ко всем участникам сговора включая заявителя. Тем самым Суд общей юрисдикции со ссылкой на судебную практику отметил, что неучастие истца в некоторых собраниях ценового сговора не влияет на тяжесть правонарушения и, как следствие, отклонил первый довод истца.

Суд общей юрисдикции, отметив, что Европейская комиссия с учетом конкретных обстоятельств дела вправе принимать решение о тяжести и доле участия каждого участника сговора, рассмотрел второй довод истца о несоблюдении Европейской комиссией принципов равенства и пропорциональности.

В решении Суд общей юрисдикции обратил внимание, что размер штрафа зависит от оборота компаний: если оборот истца превышает оборот иных участников, то и размер штрафа превышает штрафы,

---

<sup>11</sup> Руководство по методам установления штрафов, налагаемых в соответствии со статьей 23 (2) (a) Регламента № 1/2003 (2006/С 210/02), документ на англ.яз. Guidelines on the method of setting fines imposed pursuant to Article 23(2)(a) of Regulation No 1/2003 (2006/С 210/02).

наложенные на другие предприятия, участвовавшие в ценовом сговоре. Также Суд общей юрисдикции отметил, что истцу предоставлено снижение в совокупном размере 30%. Следовательно, довод о нарушении Европейской комиссией принципа равенства Судом отклонен.

Относительно соблюдения Европейской комиссией принципа пропорциональности штрафа Суд общей юрисдикции пришел к выводу, что данный довод необходимо оценивать в свете количества антиконкурентных контактов, в которых участвовал истец.

Суд общей юрисдикции, детально изучив каждый факт передачи конфиденциальной информации, а также количество и интенсивность контактов работников предприятий, участвовавших в сговоре, заключил, что факт одной из одиннадцати вменяемых истцу антиконкурентных встреч Европейской комиссией не доказан.

Таким образом, Суд общей юрисдикции пришел к выводу, что количество антиконкурентных контактов является одним из ключевых факторов, которые необходимо учитывать при определении индивидуального участия каждого участника ценового сговора.

Кроме того, Суд общей юрисдикции обратил внимание на специфику рынка чипов для смарт-карт, который является высококонцентрированным, а также на то, что истец вел антиконкурентные переговоры с двумя из трех своих конкурентов на рынке. Суд общей юрисдикции также отметил, что истец на тот момент являлся самым крупным поставщиком чипов; его оборот вдвое превышал оборот Renesas, в три раза оборот Samsung, в четыре раза оборот Philips.

Тем не менее, учитывая недоказанность Комиссией одного из вменяемых истцу антиконкурентных контактов, Суд признал обоснованным довод о нарушении принципа пропорциональности и вынес решение о снижении штрафа и установлении его в размере 76 871 600 евро.

*4. B.S., C.A. против Национального совета фармацевтов Франции (C-663/18): свобода передвижения товаров в ЕС и продажа электронных сигарет с каннабидиолами<sup>12</sup>*

Преюдициальный запрос в рамках уголовного дела, возбужденного во Франции в связи с рекламированием и распространением электронных сигарет с конопляным маслом, поступил в Суд ЕС от Апелляционного суда коммуны Экс-ан-Прованс.

---

<sup>12</sup> Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела А. А. Турехановым.

Уголовному преследованию подверглись два руководителя компании Catlab SAS, производящей и импортирующей из Чехии во Францию картриджи для электронных сигарет, в которых содержатся каннабидиолы (далее - КБД), в том числе тетрагидроканнабидиолы (далее - ТГК). Решением Уголовного суда города Марселя указанные лица были оштрафованы и приговорены к условному лишению свободы и штрафу. Руководители компании обжаловали решение в Апелляционном суде коммуны Экс-ан-Прованс аргументируя свою жалобу тем, что запрет на продажу КБД, полученного из растения *Cannabis sativa*, противоречит праву Европейского Союза, устанавливающему свободу передвижения товаров на едином внутреннем рынке, а КБД не имеет признанных психоактивных эффектов.

Суд ЕС, исходя из пояснений обратившегося за разъяснением права ЕС французского суда, перефразировал вопрос следующим образом: следует ли толковать Регламенты № 1307/2013 и № 1308/2013<sup>13</sup> и статьи 34 и 36 ДФЕС как препятствующие национальному законодательству в той степени, в которой они запрещают сбыт КБД, когда он полностью извлечен из растения *Cannabis sativa*, а не только из его волокна и семян.

В отношении действий положений Регламентов № 1307/2013 и № 1308/2013 Суд ЕС пришел к выводу, что картриджи для электронных сигарет не могут расцениваться в качестве сельскохозяйственных товаров и не подпадают под действие соответствующих актов.

Относительно применимости положений статей 34 и 36 Договора о функционировании Европейского Союза, Суд ЕС обратил внимание на то, что вредность наркотических средств, в том числе полученных из *Cannabis sativa*, общепризнана, и во всех государствах-членах действует запрет на их продажу, за исключением строго контролируемого оборота для использования в медицинских и научных целях.

Наркотические вещества, не распространяемые по контролируемым компетентными органами каналам для использования в медицинских и научных целях, подлежат запрету на ввоз и сбыт во всех государствах-членах. Тем самым, лица, занимающиеся распространением таких наркотических веществ, не могут полагаться на свободу передвижения или принцип недискриминации.

Для определения того, являются ли рассматриваемые товары наркотическими средствами Суд ЕС обратился к анализу международных соглашений, регулирующих легальность торговли

---

<sup>13</sup> Регламент № 1307/2013 от 17 декабря 2013 года, устанавливающий правила для прямых выплат фермерам в рамках схем поддержки в рамках общей сельскохозяйственной политики, и Регламент № 1308/2013 от 17 декабря 2013 года, устанавливающий общую организацию рынков сельскохозяйственной продукции).

наркотическими веществами<sup>14</sup>, указав, что буквальное толкование положений Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года<sup>15</sup> (далее – Единая конвенция) предполагает, что КБД, полученный из растений рода *Cannabis*, является наркотическим средством. Тем не менее, из материалов, представленных Суду, на основании имеющихся научных данных следует, что в данном конкретном случае в связи с тем, что содержание ТГК не превышает допустимую норму 0,2%, КБД не оказывает психотропного эффекта или иного вредного воздействия на организм и здоровье человека. Суд ЕС обратив внимание на то, что согласно преамбуле и иным положениям Единой конвенции ее целью является защита здоровья и благополучия человечества, профилактика наркомании и борьбе с ней, отметил важность данного факта при толковании её положений.

В этой связи Суд пришел к выводу, что средство, рассматриваемое в рамках дела и используемое в электронных сигаретах, которое произведено и реализовано на законных основаниях в одном из государств-членов, не является наркотиком по смыслу Единой конвенции. В этой связи к передвижению этого товара применимы общие положения права ЕС, регулирующие свободу передвижения, а именно статьи 34 и 36 ДФЕС.

В отношении статьи 34 ДФЕС Суд напомнил, что определение «меры, равнозначной по своему действию количественным ограничениям» охватывает любые меры, способные прямо или косвенно, в настоящий момент или потенциально затруднить торговлю внутри Союза. В этой связи мера, не носящая дискриминационный характер, также подпадает под данное определение, если она затрудняет доступ на рынок государства-члена товаров, происходящих из других государств-членов.

Согласно статье 36 ДФЕС ограничение свободного перемещения товаров между государствами-членами ЕС может быть введено в целях защиты общественных интересов. При этом положения национального законодательства, вводящие такое ограничение, обеспечивая достижение преследуемой цели не должны выходить за рамки того, что необходимо для их достижения.

---

<sup>14</sup> В частности, Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года, Конвенции о психотропных веществах, Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

<sup>15</sup> Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года (с поправками 1972 года), документ доступен на сайте [https://www.incb.org/documents/Narcotic-Drugs/1961-Convention/convention\\_1961\\_ru.pdf](https://www.incb.org/documents/Narcotic-Drugs/1961-Convention/convention_1961_ru.pdf)

Суд установил, что целью положений законодательства Франции, запрещающих сбыт продуктов, полученных из растений рода *Cannabis*, кроме его волокна и семян, заключается в защите здоровья населения.

Тем не менее, по мнению Суда ЕС, национальные органы, вводящие ограничения, должны на основании результатов научных исследований доказать необходимость защиты общественных интересов и эффективность вводимых мер.

Суд ЕС отметил, что запрет на продажу товара, законно производимого и распространяемого в иных государствах-членах, может быть принят только в случае, когда предполагаемый вред здоровью населения подтверждается достаточным количеством научных данных. Кроме того, при осуществлении полномочий в отношении охраны общественного здоровья государства-члены должны соблюдать принцип соразмерности. Следовательно, принимаемые меры должны ограничиваться тем, что действительно необходимо для обеспечения охраны здоровья населения.

Суд ЕС указал, что при наличии научной неопределенности относительно возможного вреда здоровью населения государство-член ЕС, проявив должную предосторожность, может, соблюдая принцип соразмерности, по своему усмотрению ввести ограничение, но такое ограничение не может быть основано на гипотетических соображениях.

По мнению Суда ЕС, правильное применение должной предосторожности со стороны государства-члена предполагает, во-первых, выявление потенциально негативных последствий для здоровья при использовании рассматриваемого вещества и, во-вторых, всестороннюю оценку риска для здоровья на основе надежных и современных научных данных.

При этом Суд ЕС отметил, что при невозможности с достоверностью определить степень риска для здоровья (в связи с недостаточностью или неточностью результатов научных исследований, тогда как вероятность вреда для здоровья населения сохраняется), ограничительные меры могут быть применены, если они являются недискриминационными и объективными.

В дополнение к указанному Суд ЕС отметил, что запрет на сбыт веществ, содержащих КБД, извлеченных из растений *Cannabis sativa*, не повлияет на распространение синтетических КБД, которые имеют те же свойства и могут быть использованы в качестве замены.

Резюмируя вышеизложенное, Суд ЕС пришел к выводу, что положения статей 34 и 36 ДФЕС должны толковаться как исключаящие введение национальным законодательством государства-члена запрета на сбыт КБД, законно произведенного в другом государстве-члене из

растений *Cannabis sativa*, если только такой запрет не вводится для защиты здоровья населения и не выходит за рамки того, что необходимо для достижения данной цели.

### Суд Европейской ассоциации свободной торговли

5. *Abelia & WTW AS против Надзорного органа ЕАСТ (E-9/19): государственная поддержка компаний, оказывающих услуги в сфере здравоохранения, и нарушение конкуренции*<sup>16</sup>

Норвежская ассоциация предпринимателей и работодателей *Abelia*<sup>17</sup> и компания – разработчик программного обеспечения *WTW AS*<sup>18</sup> обратились в Суд ЕАСТ за отменой решения Надзорного органа ЕАСТ № 57/19/COL от 10 июля 2019 года. Этим решением Надзорный орган ЕАСТ проинформировал власти Норвегии о том, что государственное финансирование цифровой инфраструктуры здравоохранения в норвежской системе здравоохранения, а также предоставление услуг по поддержке и созданию реестров, не является государственной помощью в значении пункта 1 статьи 61 Соглашения о создании Европейского экономического пространства.

Надзорный орган ЕАСТ настаивал на отсутствии *locus standi* у заявителя и на необоснованности заявления. Учитывая, что оспариваемое решение Надзорного органа ЕАСТ касалось мер государственной поддержки в сфере здравоохранения, и было адресовано государству-члену, Суду надлежало определить, может ли оспариваемое решение индивидуально и непосредственно затрагивать интересы заявителей *Abelia* и *WTW AS*. Суд ЕАСТ пришел к выводу, что «заинтересованная сторона», обладающая правом оспаривать решение Надзорного органа ЕАСТ, адресованное государству-члену, – это любое лицо, предприятие или ассоциация предприятий, чьи интересы могут быть затронуты предоставлением государственной помощи, в частности,

---

<sup>16</sup> Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела А.С. Бугаевой.

<sup>17</sup> Входит в состав Норвежской конфедерации бизнеса и промышленности, объединяет 2300 компаний в сфере телекоммуникаций, разработки, образования и консалтинга, ИТ и ИТ технологий в сфере здравоохранения. Эти компании занимаются разработкой программных решений для электронных рецептов, систем электронных медицинских карт, ИТ-инфраструктуры, медицинских технологий в первичной медико-санитарной помощи и ориентированных на граждан решений в области здравоохранения.

<sup>18</sup> *WTW AS* является разработчиком программного обеспечения и входит в *Abelia*, специализируется на разработке ИТ технологий в сфере здравоохранения и разработала ИТ сервис и платформу «HelseResponse», которая позволяет осуществлять коммуникацию между сотрудниками сферы здравоохранения и пациентами в Норвегии.



конкурирующие предприятия и торговые ассоциации, в том числе любое предприятие, которое докажет, что оказание государственной поддержки может негативно повлиять на его интересы, и окажет конкретное влияние на его положение на рынке.

Суд ЕАСТ напомнил, что он не вправе при рассмотрении вопроса о приемлемости заявления делать окончательный вывод о конкурентных отношениях между членами ассоциации-заявителя и предполагаемым получателем помощи. Вместе с тем Суд ЕАСТ указал, что для установления приемлемости заявления Abelia достаточно показать, что предполагаемая государственная помощь может неблагоприятно повлиять на законные интересы одного или нескольких ее членов, серьезно поставив под угрозу их конкурентное положение на рассматриваемом рынке.

Таким образом, Суд ЕАСТ установил приемлемость заявления, связав достаточность *locus standi* заявителя – компании WTW AS для того, чтобы и она, и Abelia могли выступать сторонами по делу.

Далее Суд ЕАСТ изучил аргументацию Надзорного органа ЕАСТ при принятии решения об оказываемой государством поддержке в Норвегии, чтобы убедиться, что заявленные доводы могут подтвердить обоснованность заявления, поданного Abelia и WTW AS. Суд подробно рассмотрел взаимосвязь между информацией, запрашиваемой Надзорным органом ЕАСТ для вынесения соответствующего решения о государственной поддержке, и процессуальное положение заявителя.

Законность оспариваемого решения Суд ЕАСТ также проанализировал с точки зрения того, осуществляют ли компании, предоставляющие электронные услуги в сфере здравоохранения, услуги и считаются ли они «предприятиями», чтобы государственная поддержка действительно могла затрагивать их конкурентное положение на рынке. Суд ЕАСТ уточнил, что согласно нормам о защите конкуренции в рамках Европейской экономической зоны (далее – ЕЭЗ) понятие «предприятие» охватывает каждое юридическое лицо, занимающееся экономической деятельностью, независимо от организационно-правовой формы юридического лица и способа его финансирования.

Соответственно, Суду ЕАСТ надлежало уточнить, осуществляют ли такие компании как WTW AS публичные полномочия или они оказывают услуги экономического характера, что оправдывает применение правил конкуренции ЕЭЗ. В этой связи Суд ЕАСТ сослался на практику Суда ЕС<sup>19</sup>, указав, что в той мере, в какой государственный субъект ведет экономическую деятельность, которая может быть

---

<sup>19</sup> В частности, C-687/17 *Aanbestedingskalender and Others v Commission*. ECLI:EU:C:2019:932.

отделена от осуществления его государственных полномочий, данный субъект в отношении этой деятельности действует как предприятие. Однако если та же экономическая деятельность не может быть отделена от других видов деятельности, связанных с осуществлением публичных полномочий, то деятельность, осуществляемая этим субъектом в целом, остается деятельностью, связанной с осуществлением публичных полномочий.

Далее Суд ЕАСТ разъяснил особенности статуса государственных организаций, когда осуществляемая ими публичная деятельность тесно связана с экономической деятельностью. Суд ЕАСТ пришел к выводу, что вспомогательные услуги, которые не предоставляются на рынке, а предоставляются только в рамках государственной системы здравоохранения Норвегии, не являются экономической деятельностью, и отклонил заявление как необоснованное.

### Суд Андского сообщества

*6. Дело 02-AN-2019 о признании недействительным решения № 848 Комиссии Андского сообщества: применение обеспечительных мер по ходатайству истца<sup>20</sup>*

31 июля 2020 года Суд Андского сообщества вынес постановление<sup>21</sup> в рамках рассмотрения иска о признании недействительным решения Комиссии Андского сообщества «Совершенствование гармонизации таможенных режимов» от 26 июля 2019 года № 848<sup>22</sup>, поданного компаниями Contrans S.A., Fargoline S.A., Imupes S.A., Medlog Perú S.A., Neptunia S.A., Ransa Comercial S.A., Terminales Portuarios Peruanos S.A.C., Trabajos Marítimos S.A. и Villas Oquendo S.A.

Из текста постановления следует, что чрезвычайное положение, введенное в Республике Перу в связи с возникновением форс-мажорной ситуации, вызванной пандемией COVID-19, привело к невозможности

---

<sup>20</sup> Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Е.Е. Рафалюк.

<sup>21</sup> <https://www.tribunalandino.org.ec/decisiones/AN/02-AN-2019.pdf>

<sup>22</sup> Указанное Решение регулирует правоотношения, устанавливаемые между таможенными службами и физическими или юридическими лицами, участвующими во ввозе, пребывании, перемещении и вывозе товаров на территорию и с территории таможенного союза // [http://www.sice.oas.org/trade/JUNAC/Decisiones/DEC848\\_s.pdf](http://www.sice.oas.org/trade/JUNAC/Decisiones/DEC848_s.pdf)

исполнения обязанности по выпуску товаров для внутреннего потребления в соответствии с Решением № 848<sup>23</sup>.

По вопросу о приостановлении действия № Решения 848, в частности статьи 20<sup>24</sup>, Суд исследовал процессуальную возможность принятия обеспечительных мер в рамках иска о недействительности. Данное ходатайство было заявлено повторно в связи с тем, что ранее заявленное ходатайство по аналогичному предмету не было удовлетворено Судом.

В соответствии со статьей 21 Договора о создании Суда Андского сообщества подача иска о недействительности не влияет на силу и действие оспариваемых нормы или соглашения. Однако Суд по ходатайству истца, если он сочтет это необходимым, может распорядиться о временном приостановлении исполнения решения, постановления или соглашения, в отношении которых указывается на недействительность, или предписать другие обеспечительные меры, если это причиняет или могло бы причинить истцу непоправимый или трудно возполнимый ущерб. Суд подчеркнул, что реализация им данного полномочия предназначена для обеспечения эффективной судебной защиты, которую Андский суд должен предоставлять, а также для гарантирования эффективности и применимости его решений, особенно если принять во внимание, что цель иска о недействительности заключается в поддержании принципов законности и нормативной иерархии, также как и единообразного и последовательного толкования и применения права Андского сообщества.

В постановлении от 31 июля 2020 года Суд сослался на статью 105 Статута Андского Суда, регулирующую применение обеспечительных мер, которая устанавливает три специальных правила: 1) если требование о недействительности направлено против положения права Сообщества общего характера, достаточно того, чтобы было указано на нарушение другой нормы более высокой категории того же правопорядка, что устанавливается посредством элементарного сравнения между этой и другой нормой; 2) если иск имеет в качестве цели недействительность нормы определенного содержания, то должен быть доказан, кроме того, непоправимый либо трудно возполнимый ущерб, который причинен или мог бы быть причинен истцу посредством исполнения оспариваемой

---

<sup>23</sup> Работа портовых терминалов в Перу оказалась значительно ограниченной, поскольку на практике они оказались неспособными исполнять обязанность по обязательной предварительной таможенной очистке.

<sup>24</sup> Статья 20 Решения № 848 Комиссии Андского сообщества гласит: «Таможенное декларирование товаров может быть произведено ранее, совместно или после предъявления товаров таможене, имея возможность установить обязательность одного из этих вариантов».

нормы; 3) если о мере заявлено ходатайство, и оно прямо выражено в заявлении. Суд также пояснил, что ходатайство должно быть обосновано и сопровождаться необходимыми и достаточными доказательствами. В частности, Суд указал на то, что сторона должна представить доказательства, касающиеся: 1) «вероятности успеха по существу дела» (*fumus boni iuris*)<sup>25</sup>; 2) «опасности промедления» (*periculum in mora*).

Анализируя возможность заявления в Андский суд повторного ходатайства о принятии обеспечительных мер, Суд обратился к принципу материальной справедливости, согласно которому недопустимо, чтобы из-за формализма или буквального и изолированного толкования нормы отвергалась возможность исследования нового ходатайства о применении обеспечительной меры. В этой связи Суд отметил важность осуществления систематического толкования процессуальных норм на базе положений статьи 35 Статута Суда, которая устанавливает, что целями процессуальных норм являются: обеспечение эффективности материальных прав лиц – субъектов настоящей юрисдикции, духа интеграции, уважение юридического равенства сторон и гарантирование надлежащей правовой процедуры. На основании систематического толкования статьи 21 Договора об учреждении Андского суда, статей 35 и 105 Статута Суда, при учете телеологического элемента (цели нормы) и *ratio legis* (существа нормы), Суд сделал вывод о том, что положение пункта 3 статьи 105 Статута Суда не устанавливает временного ограничения на реализацию истцом права на заявление ходатайства о приостановлении действия нормы и на осуществление Судом правомочия по применению обеспечительной меры в рамках рассмотрения иска о недействительности до вынесения соответствующего решения.

Для анализа «вероятности успеха по существу дела» (*fumus boni iuris*) Суд опирался на нормы пунктов 1 и 3 статьи 105 Статута Суда. Так, Суд установил, что истцы в заявлении ссылались на то, что статья 20 Решения № 848 противоречит принципам, изложенным в Решении № 618 и в Киотской конвенции. Суд заключил, что данное обстоятельство могло бы быть исследовано в случае, если бы Решение № 848 нарушало Картаженское соглашение<sup>26</sup>. Между тем, указанный

<sup>25</sup> Согласно Решению, получение предварительной защиты требует от того, кто ее запрашивает, необходимости обоснования ситуации, которая в свете доступных доказательств *prima facie* позволяет судье считать как вероятное и возможное существование права, на которое ссылается заявитель (*fumus boni iuris*) и признать наличие риска, которому может быть подвергнута эффективность судебного решения по причине задержки его вынесения (*periculum in mora*).

<sup>26</sup> Соглашение о субрегиональной андской интеграции // <http://idatd.cepal.org/Normativas/CAN/Espanol/Acuerdo de Cartagena.pdf>

подход невозможно распространить на Решение № 619, которое занимает то же место в нормативной иерархии, что и оспариваемое Решение, и потому не образует параметр контроля, который должен использовать Суд на данном этапе рассмотрения ходатайства. Суд также отметил невозможность анализа положений Киотской конвенции в силу того, что она является международным договором, который не входит в систему источников права Андского сообщества.

В итоге Суд пришел к выводу о том, что истцы не доказали наличие фактической или правовой ситуации, которая позволила бы Суду рассматривать как «вероятное и возможное» существование права, на которое они ссылаются (*fumus boni iuris*). Суд не усмотрел явного нарушения принципа законности и нормативной иерархии в обосновываемой истцами ситуации. Таким образом, Андский суд заключил о необоснованности заявленного ходатайства, а также счел отсутствие оснований для анализа двух других требований о приемлемости ходатайства, учитывая то, что неисполнение одного из условий является основанием для признания ходатайства необоснованным в целом.

*7. Постановление Суда Андского сообщества от 31 июля 2020 года (01-AN-2019): понятие контроля законности решений Комиссии Андского сообщества<sup>27</sup>*

Андская ассоциация международных перевозчиков (далее – Ассоциация) в июле 2019 года обратилась в Суд Андского сообщества с заявлением о признании недействительным Решения Комиссии Андского сообщества от 29 апреля 2019 года № 837<sup>28</sup>. Ассоциация в июне 2020 года направила ходатайство в Суд о проведении публичного слушания по делу с вызовом сторон в Суд.

Предметом постановления Суда от 31 июля 2020 года стал не только вопрос о проведении публичного слушания по делу, по которому было решено провести его с использованием телеграфической связи, но и о доказательствах, относимых к существу дела.

В частности, в постановлении говорится: чтобы определить относимость доказательств, представленных сторонами (истцом и

<sup>27</sup> Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Е.Е. Рафалюк.

<sup>28</sup> Решение Комиссии Андского сообщества № 837 заменяет Решение Комиссии № 399 о международной дорожной перевозке грузов. Решение № 837 устанавливает условия предоставления транспортных услуг по международной перевозке грузов между государствами – членами Андского сообщества // [http://www.sice.oas.org/Trade/Junac/Decisiones/DEC837\\_s.pdf](http://www.sice.oas.org/Trade/Junac/Decisiones/DEC837_s.pdf)

ответчиком), и, принимая во внимание, что в рассматриваемом деле запрашивается признание недействительным Решения № 837, следует рассмотреть вопрос о различиях *контроля законности* (*control de legalidad*)<sup>29</sup>, реализуемого посредством исков о недействительности, в зависимости от того, имеет ли оспариваемый акт общие или частные [юридические] последствия. В первом случае *контроль законности* фокусируется на рассмотрении нормативного элемента оспариваемого акта. Во втором случае *контроль законности* сосредотачивается на природе оспариваемого акта как административного акта (следовательно, указанный контроль аналогичен административному судопроизводству).

Решения Комиссии (а также решения Андского совета министров иностранных дел), отмечает Суд, являются законодательными актами Андского сообщества. Они обладают статусом закона в рамках правопорядка Андского сообщества. *Контроль законности* решений Комиссии предполагает их сопоставление с актами высшей юридической иерархии.

В постановлении Суда от 19 января 2017 года (в рамках процесса по делу № 01-AN-2014) было установлено, что когда речь идет об общих правовых последствиях (например, что относится к решениям Комиссии), *контроль законности* или юридической действительности в первую очередь затрагивает нормативный аспект оспариваемого положения; проводится проверка, среди прочего, следующего элемента юридической действительности: «соответствует ли оспариваемая норма принципу нормативной иерархии правопорядка Андского сообщества, то есть источникам первичного или вторичного права более высокой иерархии».

В соответствии со статьей 2 Статута Суда Картахенское соглашение и Договор о создании Андского суда являются фундаментальными, конституционными или первичными источниками права Сообщества, тогда как к производному, или вторичному, праву относятся решения Совета министров иностранных дел, Комиссии и постановления Генерального секретариата.

В том случае, когда мы говорим о решениях Совета министров иностранных дел и Комиссии, являющихся актами Сообщества, юридический контроль, который реализуется Судом Андского сообщества посредством исков о недействительности, сопоставим с исками о признании неконституционными актов, подаваемых в

---

<sup>29</sup> «*Control de legalidad*» переводится с испанского языка на русский язык как «контроль законности», «проверка законности»; между тем, исходя из контекста постановления, представляется возможным перевод как «нормативный контроль».

Конституционный суд Перу или Эквадора. Учитывая, что Картахенское соглашение, как учредительный договор Андского сообщества, представляет собой один из конституционных актов правопорядка Андского сообщества, *контроль законности*, осуществляемый в отношении решений Комиссии на предмет их соответствия тексту Картахенского соглашения, неизбежно ведет к тому, что Суд осуществляет проверку аналогично конституционным судам, рассматривающим иски о неконституционности, то есть, анализирует, противоречит ли норма закона конституционной норме.

Андский суд указал на то, что для рассматриваемого случая относящимися к делу доказательствами считаются те, которые позволяют установить, противоречит ли Решение № 837 Картахенскому соглашению или другим актам первичного права Андского сообщества. Для этой цели, как отметил Суд, необходимо знать не только положения Решения № 837, но и его цель (телеологический элемент) и его *ratio legis* (его смысл, сущность), для чего важно исследовать отчеты и другие документы, объясняющие причину принятия указанного Решения. Последние позволяют осуществить толкование содержания и цели Решения посредством методов толкования – буквального, исторического, систематического, телеологического, *ratio legis* и социологического. Суд заключил, что в настоящем деле, касающемся нормативно-правового, но не технического аспекта содержания Решения, будет достаточным анализ доказательств, представленных ответчиком, так как только они оказались относящимися к цели проверки Решения № 837 на предмет того, нарушает ли оно Картахенское соглашение и другие нормы первичного права Андского сообщества.

### **Европейский суд по правам человека**

8. *Гвюдмюндюр Андри Аустрададссон против Исландии «Gudmundur Andri Ástráðsson v. Iceland» (жалоба № 26374/18): право на независимый и беспристрастный суд, созданный на основании закона*<sup>30</sup>

Большая палата Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ, Суд) в постановлении от 1 декабря 2020 года<sup>31</sup> рассмотрела вопрос о том, являлся ли Апелляционный суд Исландии «судом, созданным на основании закона» (пункт 1 статьи 6 ЕКПЧ), принимая во

<sup>30</sup> Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Е.С. Орловой.

<sup>31</sup> Постановление по делу Гвюдмюндюр Андри Аустрададссон (Gudmundur Andri Astradsson) против Исландии (жалоба № 26374/18).

внимание, что часть его судей были назначены с нарушением процедуры, установленной законодательством Исландии.

В 2017 году гражданин Исландии Гвюдмюндюр Андри Аустраудссон был осужден за езду без действующего водительского удостоверения и в состоянии наркотического опьянения. Его дело было рассмотрено недавно созданным Апелляционным судом Исландии. В рамках рассмотрения дела заявитель обратился в суд с ходатайством об отводе судьи в связи с нарушением процедуры его назначения, установленной национальным законодательством. Суд отклонил данное ходатайство. Не согласившись с решением Апелляционного суда, заявитель обратился в Верховный суд Исландии с жалобой на то, что один из судей коллегии Апелляционного суда был назначен с нарушением процедур. Верховный суд Исландии признал, что назначение судьи было произведено с нарушением законодательства, однако, такое нарушение не является основанием для признания решения суда несправедливым, и не влечет за собой отмену назначения судьи.

Таким образом, Суду предстояло рассмотреть вопрос о том, является ли Апелляционный суд Исландии «судом, созданным на основании закона».

В постановлении от 12 марта 2019 года<sup>32</sup> Палата Суда пришла к выводу о нарушении права заявителя на суд, «созданный на основании закона», поскольку имело место «вопиющее» нарушение национального законодательства. По запросу правительства Исландии дело было передано на рассмотрение Большой палаты Суда.

Большая Палата Суда уточнила, что «суд» характеризуется выполнением им судебных функций, а также выполнением им ряда требований, включая независимость, особенно от исполнительной власти, беспристрастность, длительность полномочий его членов. Кроме того, само понятие «суд» предполагает, что он состоит из судей, которые отвечают требованиям профессиональной подготовки и моральным качествам. Чем выше в судебной иерархии находится суд, тем более требовательными должны быть применяемые критерии отбора его судей. Суд также пришел к выводу, что «процесс назначения судей обязательно является неотъемлемым элементом концепции «учреждения» суда или трибунала «по закону». Иное толкование противоречит цели соответствующего требования».

Принимая во внимание потенциальные последствия установления нарушения, право на «суд, созданный на основании закона», не следует толковать в чрезмерно расширительной манере, в соответствии с которой

---

<sup>32</sup> Постановление ЕСПЧ от 12 марта 2019 года.



любые нарушения в процедуре назначения судьи могут поставить под угрозу право на справедливый суд.

В этой связи Большой коллегией Суда разработан тест, который заменяет собой тест «вопиющего» нарушения, который был предложен Палатой Суда в Постановлении от 12 марта 2019 года.

Согласно тесту, во-первых, должно иметь место явное нарушение национального законодательства в том смысле, что нарушение должно быть объективным и точно идентифицируемым как таковое; во-вторых, рассматриваемое нарушение должно оцениваться в свете объекта и цели «суда, созданного на основании закона», а именно обеспечения способности судебной власти выполнять свои обязанности без необоснованного вмешательства, и тем самым сохранять верховенство права и разделение властей. Только те нарушения, которые относятся к основополагающим правилам процедуры назначения судей, то есть нарушения, затрагивающие сущность права на «суд, созданный на основании закона», могут привести к нарушению этого права. В-третьих, проводимая национальными судами проверка нарушений законодательства о назначении судей играет важную роль в определении того, какие нарушения ведут к нарушению права на «суд, созданный на основании закона».

Большая Палата Суда применила настоящий тест к обстоятельствам рассматриваемого дела. Используя этот трёхступенчатый тест, Суд единогласно пришёл к выводу, что в деле заявителя действительно имело место нарушение статьи 6 Конвенции в связи с допущенными серьезными нарушениями национального законодательства при назначении на должность судьи Апелляционного суда Исландии.

*9. Сакетти Иглесиас против Испании «Saquetti Iglesias v Spain» (жалоба № 50514/13): компенсация за несправедливо назначенный административный штраф ввиду недеklarирования наличных денежных средств при прохождении таможенного досмотра в аэропорту<sup>33</sup>*

Г-н Сакетти Иглесиас обратился в ЕСПЧ с жалобой на отказ вышестоящих судов Испании в пересмотре административного решения, в соответствии с которым он был наказан за недеklarирование денежной суммы при прохождении таможни в аэропорту Мадрид-Барахас. В марте 2011 года при досмотре багажа, перед посадкой на рейс из Мадрида в Буэнос-Айрес, у г-на Сакетти Иглесиаса были обнаружены 154 800 евро.

---

<sup>33</sup> Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела А.С. Бугаевой.

Г-н Сакетти Иглесиас пояснил, что эта сумма была сформирована из сумм, которые он привозил из Аргентины и регулярно декларировал, что за 10 лет составило 300 000 евро. Однако на г-на Сакетти Иглесиас был наложен штраф, эквивалентный сумме, которая должна быть задекларирована при прохождении таможенного досмотра – у него конфисковали 153 800 евро. В августе 2011 года Главное управление казначейства и финансовой политики Министерства экономики наложило на г-на Сакетти Иглесиаса штраф, эквивалентный общей конфискованной сумме.

В октябре 2011 года г-н Сакетти Иглесиас подал административную апелляцию, которая была отклонена Верховным судом Мадрида. Верховный суд постановил, что дело не подлежит обжалованию из-за недавней поправки к Закону об административных судах, которая увеличила минимальную сумму для апелляции по вопросам права с 150 000 до 600 000 евро.

Г-н Сакетти Иглесиас обратился с апелляцией по процедуре ампаро<sup>34</sup> в Конституционный суд, однако она не была принята к рассмотрению на том основании, что заявитель недостаточно обосновал «особое конституционное значение» своей апелляции.

Обращаясь в ЕСПЧ на основании статьи 2 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Право на апелляцию по уголовным делам), г-н Сакетти Иглесиас утверждал, что он был лишен возможности добиться пересмотра решения Верховного суда Мадрида в вышестоящей судебной инстанции.

В своем решении ЕСПЧ вновь отметил, что понятие «уголовное преступление» в пункте 1 статьи 2 Протокола № 7 включает преступления, которые соответствуют трем «критериям Энгель»<sup>35</sup>: а) классификация преступления в национальном законодательстве, б) сама природа правонарушения<sup>36</sup>, и с) степень серьезности наказания, которому может подвергнуться соответствующее лицо. Указанных критериев достаточно, чтобы рассматриваемое правонарушение имело уголовный характер, или чтобы оно подвергало соответствующее лицо

---

<sup>34</sup> Процедура ампаро – средство для защиты конституционных прав, характерное для ряда правовых систем. В некоторых правовых системах, преимущественно испаноязычного мира, ампаро является эффективным и недорогим инструментом защиты индивидуальных прав.

<sup>35</sup> Три критерия, выработанные в деле Энгель против Нидерландов (*Engel and Others v. the Netherlands*), § 82 (и впоследствии подтвержденные в деле Юссила против Финляндии (*Jussila v. Finland*), § 30), для оценки того, является ли обвинение «уголовным» в значении Статьи 6 Конвенции, должны также применяться к Статье 7 Конвенции.

<sup>36</sup> Наиболее важный критерий, см. Юссила против Финляндии (*Jussila v. Finland*) [БП], § 38.

наказанию, которое в силу своего характера и степени тяжести, как правило, представляет собой штраф/взыскание.

ЕСПЧ указал, что в данном случае правонарушение наказывается штрафом, который ни в коем случае не может быть заменен наказанием в виде лишения свободы, так как является административным штрафом, направленным на предотвращение отмывания денег и финансирования терроризма и налагаемым на тех, кто пересекает границу.

Рассматривая природу правонарушения, ЕСПЧ пояснил, что охраняемый законом общественный интерес в данном случае состоит в том, чтобы обеспечить контроль над международными платежными средствами, что само по себе является достаточным для рассмотрения вопроса об уголовном наказании. Наконец, степень серьезности наказания (штраф в размере 153 800 евро), что соответствует большей части незадекларированной суммы, является достаточной для его характеристики в качестве уголовного в соответствии с судебной практикой ЕСПЧ.

Рассматривая процессуальные аспекты защиты права истца ЕСПЧ не согласился с доводами государства-ответчика. ЕСПЧ указал, что единственным средством обжалования, доступным истцу, являлась процедура ампаро в Конституционном суде, поскольку он не мог обратиться в Верховный суд ввиду порога минимальной суммы для апелляции. Однако ЕСПЧ напомнил, что, исходя из своей юрисдикции, Конституционный суд не может считаться апелляционным судом, поскольку его функция в рамках апелляции ампаро заключается не в контроле законности, а в защите основных прав. Сам Конституционный суд в своей прецедентной практике подчеркнул, что жалоба ампаро не может быть приравнена к кассационной жалобе в интересах закона. Несмотря на это ЕСПЧ посчитал, что сама суть права, гарантированного статьей 2 Протокола № 7 к Конвенции, нарушена, и это право не гарантируется в пределах дискреции компетентных органов государства-ответчика в сфере защиты прав человека.

Таким образом, ЕСПЧ вынес решение о нарушении статьи 2 Протокола № 7, обязав Испанию выплатить заявителю компенсацию морального вреда и понесенных судебных издержек и расходов.

## Орган по разрешению споров Всемирной торговой организации

*10. Саудовская Аравия: меры, касающиеся защиты прав на интеллектуальную собственность (DS567: Saudi Arabia — Measures concerning the Protection of Intellectual Property Rights)*<sup>37</sup>

1 октября 2018 года Катар запросил консультации с Саудовской Аравией по поводу предполагаемого необеспечения Саудовской Аравией адекватной защиты прав интеллектуальной собственности, принадлежащих организациям, расположенным в Катаре, а именно неприменения мер к компании «*beoutQ*», вещательной компании, осуществлявшей незаконное («пиратское») воспроизведение и распространение проприетарного контента (трансляций Premier League, UEFA, FIFA, La Liga, NBA, Wimbledon и др.) международной компании по производству спортивного и развлекательного контента «*beIN*», со штаб-квартирой в Катаре. По мнению Катара указанные действия являлись не совместимыми с положениями статей 3.1, 4, 9, 14.3, 16.1, 41.1, 42 и 61 Соглашения ТРИПС.

Доводы Катара касались комплекса мер, действий и бездействий правительства Саудовской Аравии, которые помешали катарскому предприятию *beIN* получить юридическое представительство в гражданских и административных процедурах по защите прав интеллектуальной собственности. Катар также заявил, что Саудовская Аравия не возбудила уголовное дело против саудовского нарушителя. В свою очередь Саудовская Аравия обосновала свои действия, сославшись на исключение в отношении обеспечительного интереса в соответствии со статьей 73 (b) (iii) Соглашения ТРИПС. Саудовская Аравия утверждала, что ее действия/бездействие были оправданы тем, что она разорвала дипломатические и консульские отношения с Катаром, чтобы защитить свою национальную безопасность от угрозы терроризма и экстремизма.

Саудовская Аравия возражала относительно юрисдикции Группы, утверждая, что рассматриваемый спор не является торговым, а скорее «политическим, геополитическим спором и спором по вопросам безопасности». Группа отклонила этот аргумент.

Относительно исключения национальной безопасности в соответствии со статьей 73 (b) (iii) Группа, отметив идентичную формулировку статьи 73 (b) (iii) и статьи XXI (b) (iii) ГАТТ 1994, процитировала аргументацию, сформулированную в деле *Украина*

---

<sup>37</sup> Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Д. В. Семашко.

*против России* о таможенном транзите<sup>38</sup>, первом деле ВТО, провозглашающем исключение касательно национальной безопасности в соответствии со статьей XXI. ГАТТ 1994 в деле *Украина против России* Группа подтвердила право России ограничить транзитное движение товаров из Украины в Казахстан и Кыргызстан в интересах национальной безопасности в связи с чрезвычайным положением в дипломатических отношениях между странами с 2014 года. Группа указала на фундаментальные вопросы, касающиеся применимости исключения безопасности в статье 73 (b) (iii) к рассматриваемым фактам и мерам: (a) существует ли «чрезвычайная ситуация в международных отношений» в смысле подпункта (iii) статьи 73 (b); (b) может ли Саудовская Аравия сформулировать свои «основные интересы безопасности» с достаточной ясностью и точностью; и (c) были ли - и если да, то какие - меры, которые Саудовская Аравия характеризует как «действия, которые она считает необходимым для защиты своих основных интересов безопасности» под заголовком Статья 73 (b) касается любых конкретных мер, оспариваемых Катаром в этом споре.

Касательно претензий Катара в соответствии с частями I, II и III Соглашения ТРИПС, Группа пришла к выводу, что Катар доказал, что Саудовская Аравия приняла меры, которые, прямо или косвенно, не позволили организации спортивного вещания beIN получить помощь саудовского юриста для обеспечения соблюдения своих исключительных прав в рамках процедур гражданского судопроизводства в судах и трибуналах Саудовской Аравии, и, таким образом, Саудовская Аравия действовала способом, несовместимым со статьей 42 и статьей 41.1 Соглашения ТРИПС. Группа также установила, что Катар установил, что Саудовская Аравия не предусмотрела уголовные процедуры и наказания, которые должны применяться к компании beoutQ, несмотря на доказательства, устанавливающие *prima facie*, что трансляции beoutQ использовались физическими или юридическими лицами, находящимися под юрисдикцией Саудовской Аравии и, таким образом, Саудовская Аравия действовала несовместимо со статьей 61 Соглашения ТРИПС. В свете этих выводов Группа пришла к выводу, что нет необходимости делать выводы по дополнительным претензиям Катара в соответствии с частями I и II Соглашения ТРИПС.

Таким образом, Группа заключила, что меры, принятые Саудовской Аравией (как в форме действий, так и в форме бездействия), нарушают принятые международные обязательства и рекомендовала привести их в соответствие с Соглашением ТРИПС.

---

<sup>38</sup> DS512: Russia – Measures Concerning Traffic in Transit, WT/DS512/R, принято 26 апреля 2019 года. [https://www.wto.org/english/tratop\\_e/dispu\\_e/cases\\_e/ds512\\_e.htm](https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds512_e.htm)

28 июля 2020 года Саудовская Аравия уведомила ОРС о своем решении подать апелляцию в Апелляционный орган по некоторым вопросам права и юридическим толкованиям в отчете Группы.

*11. КНР против США: меры тарифного регулирования в отношении определенной категории товаров из Китая (DS543: United States — Tariff Measures on Certain Goods from China)*<sup>39</sup>

4 апреля 2018 года Китай запросил консультации с США относительно тарифных мер в отношении китайских товаров, которые предположительно будут реализованы в соответствии с разделом 301-310 Закона США о торговле 1974 года.

Спор касался дополнительных пошлин, которые США ввели в связи с торговой практикой КНР, связанной с передачей технологий, интеллектуальной собственности и инноваций, которую США считают несправедливой и искажающей политикой «санкционированного государством воровства», незаконного присвоения технологий США, интеллектуальной собственности и коммерческих секретов.

Перед Третьей Группой КНР оспаривала 25% дополнительных пошлин, введенных в июне 2018 года на первую партию товаров с приблизительной годовой торговой стоимостью 34 млрд. долларов США (Список 1); а также дополнительные пошлины на второй набор товаров с приблизительной годовой торговой стоимостью 200 млрд. долларов США (Список 2), первоначально введенные в сентябре 2018 года на уровне 10% и впоследствии повышенные в мае 2019 года до 25%. Китай утверждал, что эти дополнительные пошлины несовместимы со статьями I: 1 и II: 1 (a) и (b) ГАТТ 1994.

В своих возражениях США не отрицали несоответствие введенных мер I: 1 и II: 1 (a) и (b) ГАТТ 1994, однако указали, что участвуя в двусторонних переговорах для решения нескольких торговых проблем, включая некоторые вопросы, охватываемые этим спором, стороны решили урегулировать свой спор вне рамок ВТО и, таким образом, достигли «урегулирования вопроса» по смыслу третьего предложения статьи 12.7 Договора о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров (далее – ДСУ). По этой причине Группа должна ограничить свой доклад кратким изложением фактов и отметкой о достижении урегулирования. Однако даже в случае, если Группа решит рассмотреть вопрос по существу дополнительные пошлины, по мнению США, были оправданы статьей XX (a) ГАТТ 1994 года как меры,

---

<sup>39</sup> Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Д. В. Семашко.

необходимые для защиты общественной морали США. США утверждали, что действия, политика и практика КНР, рассматриваемые в соответствующем Отчете по Разделу 301, равносильны «санкционированной государством краже» и незаконному присвоению американских технологий, интеллектуальной собственности и коммерческих секретов, что несовместимо с нормами общественной морали по законодательству США.

Группа признала, что между КНР и США продолжается двусторонний процесс урегулирования, проводимый параллельно с заседаниями Комиссии, и не был направлен, по крайней мере, со стороны КНР, на замену процесса в ОРС. Группа пришла к выводу, что стороны не достигли урегулирования вопроса по смыслу третьего предложения статьи 12.7 ДСУ.

Группа установила, что оспариваемые дополнительные пошлины *prima facie* несовместимы со статьей I: 1 ГАТТ 1994 года, поскольку они применяются только к товарам из КНР; и *prima facie* несовместимы со статьей II ГАТТ 1994, поскольку они применялись сверх ставок, которые США обязались использовать в своем Перечне уступок.

Рассматривая возражения США по статье XX (a) ГАТТ 1994 года, Комиссия оценивала, были ли рассматриваемые меры «необходимыми для защиты общественной морали». Этот подход включал общую оценку, основанную на интерпретации статьи XX (a) и на ее применении к конкретным фактам данного спора. Следуя данному подходу, Группа воздержалась от каких-либо промежуточных выводов до завершения полного анализа.

Определяя общественную мораль, Группа отметила, что «стандарты правильного и неправильного», на которые ссылаются США (включая нормы против воровства, незаконного присвоения и недобросовестной конкуренции), могут – по крайней мере, на концептуальном уровне, – подпадать под понятие «общественная мораль» в статье XX (a).

При оценке необходимости принятия мер, Группа сосредоточила свой анализ на представленных США объяснениях причин введения дополнительных пошлин на широкий спектр выбранных товаров из КНР, что, по мнению США, способствовало соблюдению принципа общественной морали. В связи с этим Группой рассмотрен вопрос о том, способствовали ли введенные меры защите (восстановлению) общественной морали, и если да – то каким образом, и как следствие, можно ли охарактеризовать введенные меры как «необходимые» для защиты общественной морали по смыслу статьи XX (a).

Касательно введения дополнительных пошлин на товары из Списка 1, Группа пришла к выводу, что США не обосновали подлинную взаимосвязь между введением дополнительных пошлин на эти товары и целью защиты общественной морали, на которую ссылаются США, а именно как введение дополнительных пошлин способствовало защите (восстановлению) общественной морали.

Относительно введения дополнительных пошлин на продукцию Списка 2, Группа пришла к выводу, что США не предоставили объяснения, которое позволило бы Группе понять «цели и средства» взаимосвязи между дополнительными пошлинами на продукцию Списка 2 и целью защиты (восстановления) общественной морали, использованными США.

Таким образом, Группа пришла к выводу, что США не представили объяснений, демонстрирующих, как введение дополнительных пошлин на выбранные импортные товары из Списка 1 и Списка 2 способствовало достижению поставленной цели соблюдения общественной морали, и, исходя из этого, были ли они необходимы для защиты общественной морали. Соответственно, Группа пришла к выводу, что США не выполнили своего бремени доказывания того, что меры временно оправданы в соответствии со статьей XX (а).

Отчет Группы содержит дополнительные «Заключительные комментарии», подчеркивающие осведомленность Группы о более широком контексте, в котором в настоящее время действует система ВТО, который «отражает целый ряд беспрецедентных мировых торговых противоречий». Группа указала, что ее роль не состоит в том, чтобы делать какие-либо юридические выводы или давать рекомендации по каким-либо вопросам, кроме тех, которыми ей было конкретно поручено заниматься. В этой связи Группа напомнила, что правительство США до настоящего времени не инициировало действий в соответствии с ДСУ ВТО в отношении мер, введенных КНР в ответ на меры США, рассматриваемые в этом споре. Комиссия подчеркнула, что она стремилась добросовестно выполнять свою судебную роль в соответствии со статьей 11 ДСУ в отношении вопросов, подпадающих под ее круг ведения. Наконец, Группа призвала стороны продолжать работу над взаимосогласованным решением вопросов, поднятых в споре. 26 октября 2020 года США уведомили ОРС о своем решении подать апелляцию в Апелляционный орган по некоторым вопросам права и юридическим толкованиям в отчете Группы.



## Международные административные трибуналы

### Административный трибунал Международной организации труда

*12. M. v. United Nations Industrial Development Organization (UNIDO): обжалование результатов конкурсного отбора*<sup>40</sup>

В 1989 году заявитель был принят на работу в Организацию Объединённых Наций по промышленному развитию (далее – ЮНИДО) на должность помощника по финансовым вопросам (уровня G-6) в Отделе счетов и платежей Финансового департамента. В 2014 году он принял участие в конкурсе на должность младшего сотрудника по финансовым вопросам уровня P-2 в том же отделе. По результатам проведенного собеседования предпочтение было отдано другому кандидату, не являвшемуся ранее работником отдела, а заявитель был уведомлен о том, что он не был избран на должность.

Не согласившись с результатами отбора, заявитель обратился в Управление внутреннего надзора и этики, утверждая, что конкурс был проведен с нарушением процедуры, а профессиональный опыт рекомендованного на должность кандидата не соответствует требованиям вакансии. Проведя предварительное расследование, Управление внутреннего надзора и этики сообщило заявителю, что избранный на должность кандидат соответствовал предъявляемым требованиям, а процедура отбора не была нарушена.

Заявитель обратился в Объединенный апелляционный совет, который рекомендовал присудить ему компенсацию морального вреда, однако Генеральный директор ЮНИДО не согласился с таким решением, и компенсация присуждена не была.

В этой связи заявитель обратился в Административный трибунал. Поскольку его первоначальное требование о назначении на должность P-2 уже не могло быть заявлено ввиду выхода на пенсию в апреле 2019 года, заявитель потребовал присуждения компенсации в размере невыплаченной заработной платы с февраля 2015 года до его выхода на пенсию в размере, соответствующем окладу по должности, на которую он претендовал, возмещения убытков в размере пенсионных выплат, на которые он мог бы рассчитывать в течение примерно 20 лет после выхода на пенсию, а также компенсации морального вреда и судебных расходов.

В решении от 24 июля 2020 года № 4293 Административный трибунал отметил, что процесс отбора должен соответствовать применимым правилам и прецедентному праву, поскольку цель конкурса

---

<sup>40</sup> Подготовлено консультантом экспертно-аналитического отдела А. Н. Поповой.

– позволить всем, кто желает занять должность, участвовать в нем на равных условиях.

В то же время, по мнению трибунала, лицо, оспаривающее избрание кандидата на должность, должно продемонстрировать наличие серьезного недостатка в процедуре отбора. Недостаточно просто утверждать, что лицо обладает более высокой квалификацией, чем избранный кандидат.

Административный трибунал пришел к выводу, что кандидат – работник международной организации *не обладает безусловным и автоматическим преимуществом* быть избранным на должность в этой организации. Основное внимание при отборе должно уделяться квалификации и опыту кандидата.

Административный трибунал признал отсутствие нарушений процедуры отбора, признал, что выбранный на должность кандидат соответствовал требованиям вакансии и, следовательно, не поддержал доводы заявителя.

### **Апелляционный трибунал ООН**

*13. Решение Апелляционного трибунала ООН по делу Hine-Wai Kapiti Loose v. Secretary-General of the United Nations: бремя доказывания в трудовых спорах, связанных с непродлением контракта ввиду нехватки финансирования должности, при отсутствии финансового обоснования*<sup>41</sup>

Г-жа Луз с 2011 года работала на должности сотрудника по политическим вопросам в органе ООН<sup>42</sup>. С 1 января 2018 года ее ежегодно возобновляемый контракт не был продлен по причине нехватки финансирования ее должности.

Решением UNDT/2020/038 от 10 марта 2020 года Трибунал по спорам ООН (далее – ТСООН) предписал либо отменить решение о непродлении контракта, либо выплатить заявительнице денежную сумму, равную чистому базовому окладу за 12 месяцев. ТСООН пришел к выводу, что Генеральный секретарь не смог документально обосновать причины непродления срочного контракта г-жи Луз и, следовательно, ее увольнение со службы было незаконным. В этой связи ТСООН предписал либо отменить решение о прекращении службы сотрудницы,

<sup>41</sup> Подготовлено консультантом экспертно-аналитического отдела А. Н. Поповой.

<sup>42</sup> Секретариат по реализации «Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие».

либо выплатить ей сумму, эквивалентную чистому базовому окладу за 12 месяцев. Два других требования заявительницы (о признании незаконным решения об отказе назначить ее на временную должность, на которую она претендовала в связи с ожидаемым увольнением, а также о признании неправомерным отказа в предоставлении ей не оплачиваемого отпуска за первые три месяца 2018 года) не были удовлетворены.

Генеральный секретарь обжаловал решение Трибунала по спорам ООН. Апелляционный трибунал ООН отметил, что поскольку решение о непродлении контракта принято Генеральным секретарем, то разумно ожидать, что именно на нем лежит ответственность за правовое обоснование такого решения. Несмотря на то, что служащий может быть уведомлен о том, что нехватка финансирования не позволяет организации продлить контракт с ним, соответствующая финансовая и оперативная информация, обосновывающая данное решение, вряд ли становится известной сотруднику. В связи с этим Апелляционный трибунал пришел к выводу, что зачастую становится сложно (если не невозможно) для служащего самостоятельно представить информацию в трибунал, подтверждающую незаконность решения об отказе в продлении контракта.

Кроме того, согласно материалам дела соответствующая финансовая и оперативная информация не была предоставлена Генеральным секретарем ни г-же Луз, ни Трибуналу по спорам ООН. Тем не менее, ТСООН должен располагать достаточной информацией (документальные и устные свидетельства), чтобы иметь возможность убедиться в том, что решение не продлевать контракт было оправданным в обстоятельствах, которые в противном случае могли бы привести к разумным ожиданиям возобновления трудовых отношений.

С учетом вышеизложенного, Апелляционный трибунал установил, что обстоятельства этого дела демонстрируют невозможность и несправедливость возложения бремени доказывания на сотрудника в таких обстоятельствах. На служащем лежит лишь первоначальная обязанность продемонстрировать достаточные или очевидные доводы в пользу наличия требуемых ресурсов организации для возобновления или продления контракта или других соответствующих оснований для прекращения трудовых отношений. После этого бремя доказывания переходит к администрации.

Поскольку Генеральный секретарь не предоставил финансовую и оперативную информацию заявительнице, при данных обстоятельствах у нее имелись разумные ожидания, чтобы рассчитывать на продление контракта.

В связи с этим Апелляционный трибунал не удовлетворил жалобу Генерального секретаря, а Решение Трибунала по спорам было оставлено без изменений.

*14. Решение Апелляционного трибунала ООН по делу Niverte Noberasco v. Secretary-General of the United Nations: справедливая и всесторонняя оценка кандидатуры на должность как условие соблюдения законности конкурсного отбора*<sup>43</sup>

Г-жа Нобераско, занимавшая должность уровня G-6 – старший помощник по персоналу (Senior Staff Assistant) в Библиотеке Офиса ООН в Женеве, приняла решение участвовать в конкурсе на более высокую должность G-7 – личный помощник Верховного комиссара ООН (Personal Assistant to the High Commissioner) в Управлении Верховного комиссара ООН по правам человека.

Пройдя предварительный этап отбора, заявительница была допущена к сдаче письменного теста, на который отводилось 1,5 часа. Свои ответы на поставленные в тестировании вопросы заявительница направила по электронной почте за 1 минуту до окончания времени, отведенного на тест. Однако в связи с техническими неполадками на сервере организации ответ поступил на 31 минуту позже установленного времени. В результате заявительница была отстранена от дальнейшего участия в конкурсе в связи с неполучением ответов на вопросы тестирования в срок.

После окончания конкурса и определения лиц, рекомендованных на должность, заявительница и еще один кандидат, ответы на вопросы тестирования которого также, несмотря на своевременную отправку, были доставлены с задержкой, направили в адрес HR-менеджера скриншоты писем, подтверждающих, что их ответы были отправлены в срок. Отдел информационно-технического обслуживания подтвердил, что причиной задержки явились технические неполадки на сервере организации.

Их ответы на вопросы тестирования были рассмотрены. Однако ни один из указанных кандидатов не набрал количества очков, необходимого для прохождения конкурса. Заявительница запросила проведение процедуры управленческой оценки решения об отказе в назначении ее на должность, а впоследствии обратилась с заявлением в Трибунал по спорам ООН (далее – ТСООН).

---

<sup>43</sup> Подготовлено консультантом экспертно-аналитического отдела А. Н. Поповой.

Трибунал по спорам ООН в своем решении UNDT/2020/003 от 10 января 2020 года отказал в удовлетворении заявления, признав, что, несмотря на некоторые предполагаемые недостатки в процедуре отбора (кандидатура г-жи Нобераско не была должным образом оценена; она не получила своевременного уведомления о том, что ее заявка была отклонена; ее тест, возможно, не был оценен анонимно), заявительница в любом случае вряд ли выиграла бы конкурс.

Г-жа Небраско подала апелляцию на это решение трибунала в Апелляционный трибунал ООН. Апелляционный трибунал отметил, что, хотя Генеральный секретарь обладает широкими дискреционными полномочиями в вопросах отбора персонала, администрация должна продемонстрировать, что кандидатура сотрудника была рассмотрена должным образом. Если администрация может продемонстрировать, что кандидатура была оценена всесторонне и справедливо, то презумпция законности отбора соблюдается. Лишь после этого бремя доказывания переносится на сотрудника, который должен предоставить четкие и убедительные доказательства того, что ему или ей было отказано в справедливых шансах на избрание на должность.

Апелляционный трибунал пришел к выводу, что если бы не возникло недостатков в процедуре отбора и кандидатура г-жи Нобераско была бы справедливо оценена, то существовала бы разумная вероятность того, что заявительница была бы приглашена на следующий этап конкурса. Таким образом, Апелляционный трибунал признал нарушенной процедуру отбора, отменил решение Трибунала по спорам ООН и присудил заявительнице компенсацию в размере 10 тыс. долларов за упущенную возможность быть избранной на должность.

## II. Судебная практика государств – членов ЕАЭС

### Республика Армения

*15. Решения Конституционного суда РА, связанные с применением права ЕАЭС*

В рамках процедуры конституционного контроля Конституционный суд Республики Армения перед ратификацией международных договоров определяет соответствие закрепленных в них обязательств Конституции.

За вторую половину 2020 года Конституционный суд обратился к данной процедуре применительно к подписанному 22 ноября 2019 года Соглашению об особенностях осуществления операций с драгоценными металлами и драгоценными камнями в рамках Евразийского экономического союза (*Постановление Конституционного Суда Республики Армения от 29 октября 2020 года*), а также подписанному 3 февраля 2020 года Договору «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского Экономического Союза» (*Постановление Конституционного Суда Республики Армения от 1 декабря 2020 года*).

### Республика Беларусь

*16. Решение Верховного Суда РБ № 10-15/2020: условия включения юридического лица в реестр уполномоченных экономических операторов<sup>44</sup>*

Решением Верховного Суда Республики Беларусь от 17 ноября 2020 года по делу № 10-15/2020 обществу с ограниченной ответственностью «Б» отказано в удовлетворении требований о признании недействительным приказа Государственного таможенного комитета Республики Беларусь от 3 сентября 2020 года № 372-ОД об исключении данного общества из реестра уполномоченных экономических операторов (далее – УЭО).

Заявитель полагал, что, поскольку на момент вхождения гражданина Б. в состав участников ООО «Б» отсутствовал факт его привлечения к уголовной ответственности (в связи с погашением судимости), не имеется предусмотренных ТК ЕАЭС оснований для исключения общества из реестра УЭО.

---

<sup>44</sup> Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Н. М. Никонюк.

Проанализировав нормы ТК ЕАЭС, а также положения национального законодательства, суд пришел к следующим выводам.

В соответствии с пунктом 1 статьи 430 ТК ЕАЭС УЭО является юридическое лицо, созданное в соответствии с законодательством государств-членов и включенное в реестр УЭО в порядке и при соблюдении условий, которые установлены главой 61 ТК ЕАЭС.

Одним из таких условий<sup>45</sup> является *отсутствие самих фактов привлечения во всех государствах-членах физических лиц* государств-членов, являющихся акционерами этого юридического лица, имеющими 10 и более процентов акций юридического лица, претендующего на включение в реестр УЭО, его учредителями (участниками), руководителями, главными бухгалтерами, *к уголовной ответственности за преступления или уголовные правонарушения*, производство по которым отнесено к ведению таможенных и иных государственных органов и привлечение к ответственности за совершение которых законодательством государств-членов определено в качестве основания для отказа во включении в реестр УЭО.

При проведении таможенным органом проверки был установлен факт привлечения гражданина Б. – нового участника ООО «Б» к уголовной ответственности по части первой статьи 14 и части третьей статьи 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

В силу вышеприведенных норм ТК ЕАЭС, регулирующих условия включения в реестр УЭО, и норм Указа Президента Республики Беларусь от 22 декабря 2008 года № 490 «О таможенном регулировании» (абзац 3 пункта 55) факт отсутствия привлечения к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные статьей 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь, учредителей (участников), руководителей, главных бухгалтеров является обязательным и несоблюдение этого условия служит основанием для отказа во включении в реестр УЭО в соответствии со статьей 434 ТК ЕАЭС.

Подпункт 6 пункта 8 статьи 435 ТК ЕАЭС предусматривает в качестве основания для исключения УЭО из реестра вступление в силу приговора суда за совершение преступления (уголовного правонарушения), привлечение к ответственности за совершение которого законодательством государств-членов определено в качестве основания для исключения УЭО из реестра.

Поскольку вступивший в силу приговор суда в отношении гражданина Б. за совершение преступления, предусмотренного статьей 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь, свидетельствует

---

<sup>45</sup> Данное условие включения юридического лица в реестр УЭО определено подпунктом 6 пункта 1 статьи 433 ТК ЕАЭС.

о наличии факта привлечения к уголовной ответственности, то участник общества с долей 99 процентов в уставном фонде юридического лица, включенного в реестр УЭО, не соответствует условиям, которые установлены главой 61 ТК ЕАЭС.

На основании указанных норм ТК ЕАЭС ООО «Б» отказано в удовлетворении требований о признании недействительным приказа Государственного таможенного комитета Республики Беларусь от 3 сентября 2020 года № 372-ОД об исключении его из реестра УЭО.

*17. Решение экономического суда г. Минска по делу № 157-25/2020: вопросы классификации товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС<sup>46</sup>*

Решением экономического суда города Минска от 2 июня 2020 года по делу № 157-25/2020 обществу с ограниченной ответственностью «Г» отказано в признании недействительным решения региональной таможни о взыскании таможенных платежей в связи с неверной классификацией товара.

Как следует из обстоятельств дела, в ходе проведения камеральной таможенной проверки таможенным органом выявлена неверная классификация товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС и принято решение о классификации товара «перчатка кольчужная» в подсубпозиции 7323 10 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС, в связи с чем ООО «Г» предписано внести соответствующие изменения в декларацию на товары и доплатить необходимые суммы таможенных платежей. Заявитель не согласился с данным выводом таможенного органа, обосновывая свою позицию тем, что товары, включаемые в товарную позицию 7323 ТН ВЭД ЕАЭС, используются преимущественно для бытовых нужд.

В своем решении суд сослался на положения Основных правил интерпретации ТН ВЭД, содержащихся в Решении Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54 (далее – ОПИ).

В частности, суд указал, что согласно ОПИ названия разделов, групп и подгрупп приводятся только для удобства использования ТН ВЭД. Для юридических целей классификация товаров по ТН ВЭД осуществляется исходя из текстов товарных позиций и соответствующих примечаний к разделам или группам, то есть в соответствии с ОПИ 1, и, если текстами не предусмотрено иное, в соответствии с положениями ОПИ 2-6. Кроме того, принимаются во внимание пояснения к ТН ВЭД

---

<sup>46</sup> Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Н. М. Никонюк.



ЕАЭС, основанные на пояснениях к Гармонизированной системе описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации<sup>47</sup>.

Судом отмечено, что в группу 73 ТН ВЭД ЕАЭС включены товары на основании признака материала из которых они изготовлены (черные металлы). При этом текст товарной позиции 7323 не содержит прямых ограничений использования перчаток из черных металлов исключительно для бытовых нужд. Принимая во внимание то, что перчатки из черных металлов указаны в тексте товарной позиции 7323 ТН ВЭД ЕАЭС, исходя из описания ввозимого товара, его характеристик и предназначения суд признал обоснованным решение таможенного органа о классификации товара «перчатка кольчужная» в подсубпозиции 7323 10 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС.

При этом ссылка заявителя на ошибочность классификации товаров таможенным органом в силу Пояснений к ТН ВЭД ЕАЭС признана судом несостоятельной, в связи с тем, что в пояснениях не указано на исключительное применение товаров, включенных в указанную подсубпозицию, для бытовых нужд.

Суд особо обращает внимание на положения части четвертой статьи 20 ТК Евразийского экономического союза, в соответствии с которой коды товаров, указанные в коммерческих, транспортных (перевозочных) и (или) иных документах, а также в заключениях, справках, актах экспертиз, выдаваемых экспертными учреждениями, не являются обязательными для классификации товаров. Исходя из указанной нормы права судом указано о непринятии доводов заявителя об иной классификации товаров в Федеративной Республике Германия.

Постановлением Апелляционной инстанции экономического суда города Минска от 15 июля 2020 года по делу № 157-25/2020/738А, а также постановлением судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь от 29 сентября 2020 года по делу № 157-25/2020/738А/960К апелляционная и кассационная жалобы ООО «Г» оставлены без удовлетворения, а решение без изменения.

---

<sup>47</sup> Приняты Рекомендацией Коллегии Евразийской экономической комиссии от 7 ноября 2017 года № 21.

*18. Решение суда района города М. от (извлечение...): применение норм права ЕАЭС о таможенном декларировании наличных денежных средств<sup>48</sup>*

Судом района города М. 12 августа 2020 года рассмотрено дело об административном правонарушении, предусмотренном частью 2 статьи 14.5 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях<sup>49</sup>, совершенном гражданином Российской Федерации Г. Суть совершенного гражданином Г. правонарушения заключалась в том, что, следуя через Национальный аэропорт из Республики Беларусь в Венгрию, он не произвел декларирование вывозимых с таможенной территории ЕАЭС наличных денежных средств (иностранной валюты), в части, превышающей эквивалент 10 000 долларов США. Перемещаемые через таможенную границу Союза наличные денежные средства были обнаружены сотрудником таможни при проведении таможенного досмотра в «красном коридоре».

Гражданин Г. отмечал, что ему не было понятно, в какой момент при нахождении в «красном» коридоре, который он избрал самостоятельно, необходимо произвести декларирование имущества. По его мнению, тем фактом, что он воспользовался красным коридором, он и заявил о наличии у него имущества, подлежащего таможенному декларированию, а отсутствие при этом таможенной декларации не свидетельствует о наличии в его деяниях состава административного правонарушения.

Рассматривая данное дело, суд отметил, что согласно пункту 2 статьи 257 ТК ЕАЭС применение системы двойного коридора предусматривает самостоятельный выбор физическим лицом, следующим через таможенную границу Союза, соответствующего коридора («зеленого» или «красного») для совершения (несовершения) таможенных операций, связанных с таможенным декларированием товаров для личного пользования. В соответствии с подпунктом 7 пункта 1 статьи 260 ТК ЕАЭС таможенному декларированию подлежат наличные денежные средства и (или) дорожные чеки, если общая сумма таких наличных денежных средств и (или) дорожных чеков при их единовременном ввозе на таможенную территорию Союза или единовременном вывозе с таможенной территории Союза превышает сумму, эквивалентную 10 000 долларов США по курсу валют, действующему на дату подачи таможенному органу пассажирской таможенной декларации.

---

<sup>48</sup> Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Н. М. Никонюк.

<sup>49</sup> Данная статья содержалась в редакции КоАП, который действовал до 1 марта 2021 года.

Суд указал, что из ситуационной схемы выявления административного правонарушения и акта таможенного досмотра от 16 февраля 2020 года следует, что гражданин Г. воспользовался «красным» коридором, им была предъявлена 1 пачка наличных денежных средств на сумму 8000 долларов США. При этом в ходе досмотра была обнаружена еще одна пачка денег – 10 000 долларов США, общая сумма имеющихся при нем денежных средств составила 19 410 долларов США и 8750 российских рублей.

При указанных обстоятельствах суд пришел к выводу, что сам факт использования «красного» коридора не свидетельствует о наличии у гражданина намерения задекларировать имущество.

На основании изложенного суд пришел к выводу о виновности гражданина Г. в недекларировании перемещаемых через таможенную границу Союза наличных денежных средств. Постановлением городского суда от 16 декабря 2020 года постановление суда района города Минска от 12 августа 2020 года оставлено без изменения, а жалоба гражданина Г. – без удовлетворения.

## **Республика Казахстан**

*19. Судебная коллегия по гражданским делам Алматинского областного суда (Постановление № 1999-20-00-2а/875): ответственности таможенного представителя в связи с неправильной классификацией товаров<sup>50</sup>*

Постановлением от 29 июля 2020 года № 1999-20-00-2а/875 Судебная коллегия по гражданским делам Алматинского областного суда апелляционную жалобу товарищества с ограниченной ответственностью «Бизнес Брок» оставила без удовлетворения, решение специализированного межрайонного экономического суда Алматинской области от 6 февраля 2020 года без изменения.

Как следует из обстоятельств дела, Департамент государственных доходов по Алматинской области Республики Казахстан уведомило ТОО «Бизнес Брок» (далее – Таможенный представитель) о принятии в отношении товарищества мер по солидарной обязанности в качестве таможенного представителя товарищества с ограниченной ответственностью «VEGASCOM» (далее – Декларант).

Таможенный представитель обратился в суд с иском, мотивировав требования тем, что данная ситуация возникла в результате

---

<sup>50</sup> Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела А. А. Турехановым.

неправильной классификации товара в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС, однако решением специализированного межрайонного экономического суда Алматинской области от 6 февраля 2020 года отказано в удовлетворении заявленных требований.

Декларант ввез на таможенную территорию Республики Казахстан и оформил по таможенной процедуре для внутреннего потребления товар «полотно нетканое в рулонах (клеенка)» в подсубпозиции 5603 14 100 9 со ставкой таможенной пошлины 5%.

В ходе проверки изучено описание, состав и способ применения товара и установлено, что товар подлежит классификации в подсубпозиции 5603 14 100 1 «клеенка столовая с поливинилхлоридным покрытием на основе нетканых материалов их химических нитей с поверхностной плотностью более 150 г/м<sup>2</sup>» со ставкой таможенной пошлины 0,17 евро/кг. Кроме того, проверкой также установлено, что обеспечение уплаты не подтверждена банковской гарантией.

По факту занижения таможенной стоимости произведено доначисление таможенных пошлин и налогов.

Вступившим в законную силу решением специализированного межрайонного экономического суда города Нур-Султан от 24 июня 2019 года Декларант признан банкротом. В целях взыскания задолженности таможенный орган направил уведомление лицу, несущему солидарную обязанность с плательщиком.

Судебная коллегия в рамках рассмотрения апелляционной жалобы приходит к выводу, что при изложенных обстоятельствах, решение суда является законным, поскольку акты реагирования органов государственных доходов соответствуют требованиям действующего законодательства, являются обоснованными, вынесены в пределах полномочий государственного органа, не нарушают права заявителя и оснований для их отмены у суда не имеются.

Кроме того, судебная коллегия отмечает, что Таможенный представитель мог и должен был потребовать у Декларанта все необходимые документы и информацию для правильного таможенного оформления ввозимого товара, для исключения факта получения заведомо недостоверных (ложных) сведений и (или) поддельных документов от Декларанта.

Судебная коллегия обращает внимание на то, что факт предоставления Декларантом таможенному органу поддельной банковской гарантии не может быть допустимым доказательством факта получения заведомо недостоверных (ложных) сведений и (или) поддельных документов, поскольку банковская гарантия принимается таможенным органом в качестве обеспечения уплаты начисленных

таможенных платежей и налогов и не влияет на код классификации ввозимого товара.

Судебная коллегия, ссылаясь на пункт 11 главы III решения Комиссии таможенного союза от 20 сентября 2010 года № 376 «О порядках декларирования, контроля и корректировки таможенной стоимости товаров», отмечает, что если при проведении контроля таможенной стоимости до выпуска товаров обнаружены признаки, указывающие на то, что заявленные при таможенном декларировании товаров сведения о таможенной стоимости могут являться недостоверными либо должным образом не подтверждены, то таможенный орган проводит дополнительную проверку любым способом, не запрещенным законодательством государства-члена Союза. Одним из признаков недостоверности сведений, заявленных о таможенной стоимости товаров, является выявленные с использованием системы управления рисками недостоверного декларирования таможенной стоимости товаров.

*20. Судебная коллегия по гражданским делам Карагандинского областного суда (Постановление № 3599-20-00-2а/2103): распределение бремени доказывания при оспаривании решения о классификации товаров<sup>51</sup>*

Постановлением от 11 августа 2020 года № 3599-20-00-2а/2103 Судебная коллегия по гражданским делам Карагандинского областного суда апелляционную жалобу товарищества с ограниченной ответственностью ««Mining & Drilling Services LTD» (далее – Истец) удовлетворила частично, решение специализированного межрайонного экономического суда Карагандинской области от 11 мая 2020 года отменила в части отказа в признании незаконным и отмене решения о классификации.

Истец обратился в суд с заявлением об отмене решений о классификации товаров Республиканского Государственного Учреждения «Департамент государственных доходов по Карагандинской области Комитета государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан» (далее – Департамента), которыми внесены дополнения в сведения, указанные в декларации на товары, а также уведомления о результатах проверки.

Истец полагает, что выводы Департамента по итогам проверки соблюдения Истцом таможенного законодательства за период с

---

<sup>51</sup> Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела А. А. Турехановым.

24 октября 2014 года по 24 октября 2019 года, неверные по следующим основаниям: не имело место занижение таможенной стоимости; Истец указал код товара, определенный ранее Департаментом государственных доходов по г. Алматы; в отношении таможенной декларации истек срок исковой давности.

Решением специализированного межрайонного экономического суда Карагандинской области от 11 мая 2020 года в удовлетворении требований Истца отказано.

В рамках рассмотрения апелляционной жалобы Истца Судебная коллегия приходит к выводу о том, что в силу разъяснений, содержащихся в пункте 5 Нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан № 7 от 29 ноября 2019 года «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства» следует учитывать, что бремя доказывания лежит на государственном органе, а не на Истце, при оценке соблюдения декларантом, таможенным представителем норм таможенного законодательства следует исходить из презумпции достоверности представленной им информации, бремя опровержения которой возложено на орган государственных доходов. При рассмотрении споров все неопределенности и неурегулированные вопросы таможенного законодательства ЕАЭС и (или) Республики Казахстан принимаются в пользу декларанта, таможенного представителя.

Кроме того, Судебная коллегия отмечая, что в случае неверной классификации товаров при их таможенном декларировании таможенный орган вправе принимать решения о классификации товаров, указывает на то, что суд проверяет обоснованность классификационного решения путем оценки представленных таможенным органом и декларантом доказательств, подтверждающих сведения о признаках (свойствах, характеристиках) декларируемого товара, имеющих значение для его правильной классификации, согласно ТН ВЭД.

При этом, согласно мнению Судебной коллегии, суду надлежит руководствоваться Основными правилами интерпретации ТН ВЭД, примечаниями к разделам, группам, товарным позициям, имеющим юридическую силу, и относящимися к спорному товару решениями и разъяснениями Комиссии, принятыми в соответствии с пунктами 1, 2, 6 статьи 22 ТК ЕАЭС, а также решениями и разъяснениями национального уполномоченного органа о классификации отдельных видов товаров, принятыми на основании статьи 42 ТК РК.

Судебная коллегия отмечает, что при проверке доводов участников спора о правильности классификации товаров судами могут учитываться Пояснения к ТН ВЭД, рекомендованные Комиссией в качестве

вспомогательных рабочих материалов, призванных обеспечить единообразную интерпретацию и применение ТН ВЭД, а также рекомендации и разъяснения по классификации товаров, данные Всемирной таможенной организацией в соответствии со статьей 7 Конвенции о ГС.

### **Кыргызская Республика**

*21. Постановление Верховного Суда КР (дело № АД-1053/19 мбс8, к/п № 6-428/20 АД): начисление таможенных платежей в связи с отсутствием лицензии на ввоз товара<sup>52</sup>*

Верховный Суд Кыргызской Республики постановлением от 27 июля 2020 года № АД-1053/19 мбс8 оставил в силе судебные акты судов первой и апелляционной инстанции, согласившись с их выводами о правомерности взыскания с хозяйствующего субъекта таможенных платежей в связи с отсутствием у заявителя лицензии на ввоз товара.

Согласно материалам дела в ноябре 2015 года ОсОО «1» ввезло на территорию Кыргызской Республики из Китайской Народной Республики товар «замороженное утиное мясо». Для выпуска товара таможенные органы потребовали лицензию. Однако на момент требования (январь 2016 года) порядок выдачи лицензии не был предусмотрен. Решение, как и кто должен выдавать лицензию, было принято только 24 марта 2016 года, спустя 5 месяцев после ввоза товара на территорию Кыргызской Республики. ОсОО «1» 23 июня 2016 года обратилось в Министерство экономики КР с заявлением о выдаче лицензии, но ему было отказано, поскольку товар являлся квотируемым и был ввезен в 2015 году.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суды первой и апелляционной инстанции указали, что как участнику внешнеэкономической деятельности ОсОО «1» должно было быть известно, что в отношении ввозимого им товара установлены тарифные квоты. Более того, на момент ввоза товара уже существовало решение Коллегии ЕЭК «Об установлении объемов тарифных квот на ввоз отдельных видов сельскохозяйственных товаров», которым указано осуществлять выдачу лицензий. Верховный Суд КР отметил, что декларант должен был знать об этих нормах и соблюдать их даже при отсутствии механизма выдачи лицензии на момент ввоза.

---

<sup>52</sup> Подготовлено консультантом экспертно-аналитического отдела А. В. Королевой.

Таким образом, в связи с тем, что ОсОО «1» не представило соответствующую лицензию в таможенный орган, ему были правомерно начислены таможенные платежи.

### **Российская Федерация**

*22. Определение Конституционного Суда РФ № 847-О: оспаривание хозяйствующим субъектом конституционности положений Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза<sup>53</sup>*

23 апреля 2020 года Конституционный Суд Российской Федерации вынес Определение по делу по заявлению ООО «Аэродром Большое Грызлово» об оспаривании конституционности положения Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза (утвержден решением Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54, далее – ЕТТ ЕАЭС), в соответствии с которым самолеты гражданские пассажирские с количеством пассажирских мест не более чем на 50 человек классифицируются по коду 8802 30 000 2 со ставкой ввозной таможенной пошлины 0 процентов.

ООО «Аэродром Большое Грызлово» был ввезен на таможенную территорию Союза самолет гражданского назначения с количеством посадочных мест 9, в отношении которого заявлен код товара 8802 30 000 2 и ставка ввозной таможенной пошлины 0 процентов. Таможенным органом было принято решение о квалификации товара по коду 8802 30 000 7 (Самолеты и прочие летательные аппараты, с массой пустого снаряженного аппарата более 2000 кг, но не более 15000 кг, прочие) с более высокой ставкой таможенной пошлины, а также выставлено требование об уплате доначисленных таможенных платежей и пени.

По мнению ООО «Аэродром Большое Грызлово», оспариваемое положение ЕТТ ЕАЭС противоречит части 1 статьи 8<sup>54</sup>, статье 18<sup>55</sup> и части 1 статьи 19<sup>56</sup> Конституции Российской Федерации, поскольку не содержит понятия «пассажирский самолет» и позволяет отказывать в признании пассажирским самолетом многофункционального самолета,

---

<sup>53</sup> Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Е. С. Орловой.

<sup>54</sup> «1. В Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности».

<sup>55</sup> «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием».

<sup>56</sup> «1. Все равны перед законом и судом».



конструкция которого предполагает в том числе возможность перевозки пассажиров.

Конституционный Суд Российской Федерации отказал в принятии жалобы к рассмотрению и пришел к следующим выводам.

Применительно к летательным аппаратам ЕТТ ЕАЭС содержит следующие подсубпозиции: 8802 30 000 2 - самолеты гражданские пассажирские с количеством пассажирских мест не более чем на 50 человек (ставка ввозной таможенной пошлины 0 процентов); 8802 30 000 3 - самолеты военно-транспортные, оснащенные грузовой рампой, с массой пустого снаряженного аппарата более 12 000 кг, но не более 13 000 кг (ставка ввозной таможенной пошлины 8 процентов); 8802 30 000 7 - прочие (ставка ввозной таможенной пошлины 8 процентов).

ЕТТ ЕАЭС предусмотрена более низкая, льготная ставка ввозной таможенной пошлины только для самолетов, отвечающих определенным критериям - самолеты гражданские пассажирские с количеством пассажирских мест не более чем на 50 человек. В случае же, если есть возможность отнесения товаров к двум или более товарным позициям, они, в силу ОПИ ТН ВЭД, должны классифицироваться в товарной позиции, расположенной последней в порядке возрастания кодов среди товарных позиций, в равной степени приемлемых для рассмотрения при классификации данных товаров, что, соответственно, приводит к применению более высокой ставки ввозной таможенной пошлины.

Данное регулирование, фактически обеспечивающее применение пониженной ставки ввозной таможенной пошлины для товаров, классификация которых предполагает возможность их отнесения лишь к одной (льготной) товарной позиции, и исключаящее применение такой пониженной ставки к товарам, которые могут быть отнесены к двум и более товарным позициям (в том числе с более высокой ставкой), само по себе не может рассматриваться как неопределенное и нарушающее конституционные права, указанные в жалобе.

Проверка обоснованности правоприменительных решений, в том числе в части назначения, характеристик и возможного использования конкретного летательного аппарата (для цели определения возможности отнесения такого товара к одной или нескольким товарным позициям), не относится к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации (статья 125 Конституции Российской Федерации и статья 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

*23. Определение Верховного Суда РФ № 309-ЭС20-6309 по делу № А76-43058/2018: запрет ввоза в Россию товаров, прошедших таможенное оформление в другом государстве – члене ЕАЭС, из государств, применивших экономические санкции в отношении российских лиц<sup>57</sup>*

Верховный Суд Российской Федерации в рамках определения от 5 ноября 2020 года № 309-ЭС20-6309 рассмотрел вопросы допустимости, с точки зрения права ЕАЭС, запрета ввоза на территорию России товаров, происходящих из государств, первыми применившими экономические санкции в отношении российских лиц, и прошедших таможенное оформление в одном из государств-членов.

Товарищество с ограниченной ответственностью «Молоко-М» обратилось в Арбитражный суд Челябинской области с заявлением о признании незаконным бездействия Челябинской таможни, выразившегося в невыдаче разрешения на убытие с таможенной территории ЕАЭС транспортного средств и находящихся в нем товаров, а также о признании незаконным решения об изъятии товара. Требования общества были удовлетворены решением суда, оставленным без изменения постановлением Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда и постановлением Арбитражного суда Уральского округа.

Определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 2020 года принятые по делу судебные акты отменены, в удовлетворении заявления истца отказано. Верховный Суд отметил, что, удовлетворяя заявление истца, суды нижестоящих инстанций руководствовались, в частности, нормами ТК ЕАЭС и Федерального закона от 03 августа 2018 года № 289-ФЗ «О таможенном регулировании», и признали подтвержденным как факт происхождения спорного товара, так и факт его перемещения через границы Российской Федерации в будущем, без предоставления лицом, перевозящим запрещенный к ввозу товар, документов о таможенном транзите. По мнению судов, ввоз в Российскую Федерацию товара, происходящего из государства, применившего первым экономические санкции в отношении российских лиц, и прошедшего таможенное оформление в одном из государств – членов ЕАЭС, возможен без оформления таможенного транзита. В таком случае достаточно подтверждения поставщика о следовании товара за пределы Российской Федерации. Решающим фактором является не место происхождения товара, но приобретение им статуса товара ЕАЭС.

---

<sup>57</sup> Подготовлено начальником экспертно-аналитического отдела К. В. Энтиным.

Верховный Суд отметил, что одним из основных принципов функционирования Союза, установленных статьей 3 Договора, является принцип обеспечения учета национальных интересов сторон, к которым относится обеспечение государственного суверенитета и безопасности отдельного государства. В этой связи Верховный Суд признал применение специальных экономических мер в качестве ответной реакции на недружественные (противоправные) экономические меры третьих стран допустимым в соответствии с международным правом и реализуемым в целях обеспечения государственного суверенитета и безопасности. Суд пришел к выводу о том, что Договор допускает самостоятельное применение государствами-членами в целях обеспечения государственного суверенитета и безопасности специальных экономических мер в случае недружественных (противоправных) действий в его адрес. Верховный Суд также установил, что главным таможенно-правовым критерием применения ответных специальных экономических мер является такая категория как «происхождение товара».

Суд также принял во внимание, что о введении вышеуказанных ответных специальных экономических мер Российская Федерация проинформировала, в том числе своих партнеров по интеграционным объединениям и Евразийскую экономическую комиссию.

Суд отметил, что обеспечение безопасности государства в качестве общепризнанного основания применения государствами-членами в одностороннем порядке как ответных специальных экономических мер в отношении третьих стран, так и временных мер ограничения торговли с третьими странами или ограничений во взаимной торговле товарами между государствами-членами допускается правом интеграционных объединений, в частности, статьей 47 и пунктом 1 статьи 29 Договора. Верховный Суд также отметил, что допустимость введения в одностороннем порядке государствами – членами ЕАЭС в целях обеспечения безопасности ограничений даже во взаимной торговле подтверждена и истолкована Большой коллегией Суда Евразийского экономического союза в консультативном заключении от 30 ноября 2017 года, в котором Суд ЕАЭС отметил важность применения любых мер на пропорциональной основе.

По мнению Верховного Суда, принципы свободы торговли и пропорциональности были соблюдены при введении соответствующих мер, о чем свидетельствует возможность неприменения введенных Российской Федерацией ответных ограничений при соблюдении хозяйствующими субъектами определенных требований, в частности, при помещении товаров под таможенную процедуру таможенного

транзита и их перевозке через территорию Российской Федерации в третьи страны (пункт 2 Указа Президента Российской Федерации № 391). Верховный Суд отметил, что соблюдение данного режима позволяет транспортировать товар под таможенным контролем и с достоверностью убеждаться в том, что за счет товара не будут получены экономические выгоды с территории Российской Федерации. Иные доказательства не являются гарантированным подтверждением данных фактов. Соответственно, транспортировка товара, происходящего из государства, принявшего решение о введении экономических санкций в отношении российских юридических и (или) физических лиц, по территории Российской Федерации в предпринимательских целях возможна исключительно в режиме таможенного транзита.

*24. Определение Верховного Суда РФ № 304-ЭС20-17125 по делу № А46-11894/2014 (ООО «Производственное предприятие «Ремдизель»): пересмотр дела по новым обстоятельствам<sup>58</sup>*

3 ноября 2020 года Верховный Суд Российской Федерации вынес Определение № 304-ЭС20-17125 по делу по заявлению ООО «Производственное предприятие «Ремдизель», в рамках которого рассматривался вопрос о возможности пересмотра дела по новым обстоятельствам после решения Суда ЕАЭС. Дело возникло в связи с ввозом в мае 2014 года на Таможенную территорию Таможенного союза товаров – двигателей для судовой силовой установки, а также судовых двигателей для привода генераторов с навесным оборудованием.

В декларации на товары в отношении ввезенных товаров был заявлен код 8408 10 270 0 Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС), соответствующий группе 84 «Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части», товарной позиции 8408 «Двигатели внутреннего сгорания поршневые с воспламенением от сжатия (дизели или полудизели)», субпозиции 8408 10 «Двигатели для силовых судовых установок», подсубпозиции 8408 10 270 0 «новые, мощностью не более 50 кВт, прочие». Ставка ввозной таможенной пошлины, соответствующая данному коду, равна 0%.

В ходе проведения таможенного контроля Омской таможней была выявлена неверная классификация товаров, в связи с чем товары были ею переклассифицированы в подсубпозициях 8408 90 430 9 и 8408 90 450 9

---

<sup>58</sup> Подготовлено консультантом экспертно-аналитического отдела А. Н. Поповой.

ТН ВЭД ЕАЭС субпозиции 8408 90 «Двигатели прочие» со ставкой ввозной таможенной пошлины 9%.

Желая оспорить соответствующие акты Омской таможни о классификации, в 2014 году ООО «Производственное предприятие «Ремдизель» обратилось в арбитражный суд.

Суды трех инстанций, отказывая в удовлетворении заявленных требований, пришли к выводу, что таможенным органом верно установлены технические характеристики товара и классификационные признаки, позволяющие описать и кодировать товар в товарную субпозицию 8408 90 ТН ВЭД ЕАЭС.

В декабре 2019 года ООО «Производственное предприятие «Ремдизель» обратилось в Арбитражный суд Омской области с заявлением о пересмотре вынесенного им в 2014 году решения в связи с новыми обстоятельствами. В качестве основания для такого пересмотра истцом упоминался факт принятия Судом Евразийского экономического союза решения от 18 июня 2019 года по делу по заявлению ООО «Шиптрейд». Этим решением было признано не соответствующим Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и международным договорам в рамках ЕАЭС решение Коллегии Евразийской экономической комиссии (далее – Коллегия ЕЭК) от 31 января 2018 года № 15<sup>59</sup> (далее Решение № 15), которым спорные судовые дизельные двигатели некорректно классифицировались в субпозиции 8408 90. Впоследствии Апелляционная палата Суда ЕАЭС также поддержала решение Коллегии Суда в решении от 31 октября 2019 года по тому же делу. Как было отмечено Апелляционной палатой Суда ЕАЭС в данном решении, классификация спорных двигателей в субпозиции 8408 90 ТН ВЭД ЕАЭС приводит к необоснованному сужению границ субпозиции 8408 10 ТН ВЭД ЕАЭС, противоречит ТН ВЭД ЕАЭС и Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 года.

Арбитражный суд Омской области удовлетворил заявление ООО «Производственное предприятие «Ремдизель», установив основание для пересмотра решения арбитражного суда от 2014 года. Арбитражный суд указал на пробел в правовом регулировании в связи с тем, что Арбитражным процессуальным кодексом РФ прямо не предусмотрена возможность пересмотра вступившего в законную силу решения арбитражного суда в связи с принятием Судом ЕАЭС решения, имеющего существенное значение для конкретного дела. В этой связи Арбитражный суд Омской области посчитал возможным применение

---

<sup>59</sup> «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой ТН ВЭД ЕАЭС».

аналогии с нормой пункта 5 части 3 статьи 311 АПК РФ, согласно которому в качестве основания для пересмотра акта арбитражного суда по новым или вновь открывшимся обстоятельствам указывается «определение либо изменение в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации или в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации практики применения правовой нормы...». В настоящем деле в качестве такого обстоятельства арбитражным судом по аналогии было признано изменение практики применения правовой нормы ввиду признания Судом ЕАЭС Решения Коллегии ЕЭК № 15 не соответствующим Договору и международным договорам в рамках ЕАЭС.

Тем не менее, арбитражные суды вышестоящих инстанций не согласились с такой позицией. Со ссылкой на пункт 111 Статута Суда ЕАЭС они отметили, что действие Решения № 15 не прекратилось автоматически после вступления в законную силу решения Суда ЕАЭС, установившего несоответствие данного решения Договору о ЕАЭС.

В то же время, по мнению арбитражных судов, Решение № 15 не являлось основанием для принятия судебных актов по данному делу. В Суд ЕАЭС с заявлением об оспаривании Решения № 15 обращалось иное юридическое лицо - ООО «Шиптрейд». ООО «Ремдизель» в данном деле не участвовало, следовательно, его права и законные интересы не затрагивались Судом ЕАЭС. Судебные акты по настоящему делу принимались на основании иной доказательственной базы и без учета Решения № 15.

Суды также обратили внимание на то, что решение Коллегии Суда ЕАЭС от 18 января 2019 года и решение Апелляционной палаты Суда ЕАЭС от 31 октября 2019 года не содержат указания на возможность ретроспективного применения сформулированных в них позиций для пересмотра ранее принятых судебных актов судов РФ по конкретным делам.

Таким образом, арбитражные суды вышестоящих инстанций не усмотрели новых обстоятельств, имеющих существенное значение для настоящего дела и представляющих собой основания для пересмотра решения Арбитражного суда Омской области от 2014 года.

Определением Верховного суда РФ от 3 ноября 2020 года было отказано в передаче дела в Судебную коллегия по экономическим спорам. Суд не усмотрел в кассационной жалобе доводов, подтверждающих наличие существенных нарушений норм материального права и (или) процессуального права, повлиявших на исход дела и являющихся достаточным основанием для пересмотра оспариваемых судебных актов в кассационном порядке.

*25. Апелляционное определение Верховного Суда РФ № АПЛ20-40: оспаривание писем Министерства финансов Российской Федерации и Федеральной таможенной службы<sup>60</sup>*

2 апреля 2020 года Верховный Суд Российской Федерации вынес апелляционное определение об оставлении решения Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 года без изменения, апелляционные жалобы - без удовлетворения, в рамках которого рассматривались вопросы оспаривания писем Министерства финансов Российской Федерации (далее – Минфин России) и Федеральной таможенной службы (далее – ФТС России).

ООО «Русшпала» и ООО «РИМВУД ПРО» оспаривали письма Минфина России и ФТС России, на основании которых им были начислены вывозные таможенные пошлины за вывезенные товары и предъявлены требования по их уплате.

В частности, Директор Департамента налоговой и таможенной политики Минфина России направил в адрес ФТС России разъяснения по вопросу применения ставок вывозных таможенных пошлин в отношении товаров, классифицируемых по коду 4403 95 000 1 ТН ВЭД ЕАЭС (далее – письмо № 17273), в котором сообщил, что в отношении указанных товаров подлежит уплате вывозная таможенная пошлина в размере 7 процентов от таможенной стоимости товаров, как это было предусмотрено в Постановлении № 754<sup>61</sup> до перехода на новую редакцию ТН ВЭД ЕАЭС, подчеркнув, что объектом обложения таможенными пошлинами являются товары, и ставки вывозных таможенных пошлин установлены на товары.

Письмо аналогичного содержания (далее – письмо № 18176) было направлено Директором Департамента налоговой и таможенной политики Минфина России в ответ на обращение юридического лица по вопросу применения ставок вывозных таможенных пошлин.

Руководствуясь разъяснениями, изложенными в письме № 17273 Минфина России, начальник Главного управления федеральных таможенных доходов и тарифного регулирования ФТС России в письме «О мерах по взысканию вывозной таможенной пошлины» (далее - письмо ФТС России) направил разъяснения территориальному таможенному органу о том, что товары, классифицируемые в

---

<sup>60</sup> Подготовлено консультантом экспертно-аналитического отдела А. В. Королевой.

<sup>61</sup> Постановление Правительства Российской Федерации от 30 августа 2013 года № 754 «Об утверждении ставок вывозных таможенных пошлин на товары, вывозимые из Российской Федерации за пределы государств - участников соглашений о Таможенном союзе, и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» (далее - Постановление № 754).

подсубпозиции 4403 10 000 9 единой ТН ВЭД ЕАЭС, и в отношении которых была установлена ставка вывозной таможенной пошлины в размере 25%, но не менее 15 евро за 1 м<sup>3</sup>, после перехода на новую редакцию ТН ВЭД ЕАЭС стали классифицироваться кодами 4403 10 000 4 и 4403 10 000 8 ТН ВЭД ЕАЭС. В связи с этим в отношении данных товаров подлежит уплате вывозная таможенная пошлина в вышеуказанном размере.

Как указало ООО «Русшпала», письмо № 17273 и письмо ФТС России обладают нормативными свойствами, носят общеобязательный характер, применяются в отношении неопределенного круга лиц, не проходили государственную регистрацию в Минюсте России и официально не опубликовывались, а содержащиеся в них правовые позиции не соответствуют действительному смыслу разъясняемых ими нормативных положений и в одностороннем порядке изменяют правовые нормы, установленные Постановлением № 754, чем нарушают права и законные интересы Общества как участника внешнеэкономической деятельности.

ООО «РИМВУД ПРО» в обоснование своих требований сослалось на то, что содержащаяся в Письме № 18176 правовая позиция Минфина России не соответствует действительному смыслу разъясняемых им положений законодательства и нарушает права Общества на осуществление внешнеэкономической деятельности.

Решением Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 года в удовлетворении административных исковых заявлений ООО «Русшпала» и ООО «РИМВУД ПРО» было отказано.

В апелляционных жалобах Истцы указали, что оспариваемые письма вводят новое нормативно-правовое регулирование, а также не согласились с выводом Суда первой инстанции, согласно которому основное и решающее значение при определении товара, перемещаемого через границы государств – членов Союза имеет описание товара, а не коды ТН ВЭД ЕАЭС.

Апелляционная коллегия Верховного Суда РФ с приведенными доводами Истцов не согласилась, указав, что оспариваемые письма были изданы в пределах полномочий Министерства финансов Российской Федерации и Федеральной таможенной службы и направлены на единообразное применение таможенного законодательства.

Апелляционная коллегия Верховного Суда РФ посчитала несостоятельным довод Истцов о приоритете кода товара над описанием товара при классификации товара. В силу пункта 4 статьи 20 ТК ЕАЭС и правил 1, 6 ОПИ коды ТН ВЭД ЕАЭС имеют вспомогательный характер.



Как указала Апелляционная коллегия Верховного Суда РФ, наличие в Постановлении № 754 упраздненных классификационных кодов ТН ВЭД ЕАЭС не является основанием для неприменения к этим товарам ставок вывозных таможенных пошлин, установленных Постановлением № 754.

В связи с тем, что круг товаров, в отношении которых действует Постановление № 754, не изменялся, Апелляционная коллегия Верховного Суда РФ не согласилась с доводами административных истцов об ухудшении их положения как участников внешнеэкономической деятельности.

Апелляционная коллегия Верховного Суда РФ также отметила, что Письмо № 18176 не обладает нормативными свойствами, поскольку имеет индивидуально-определенный характер, адресовано конкретному юридическому лицу, в связи с чем отсутствуют правовые основания для признания его недействующим. Письмо ФТС России, направленное для исполнения в нижестоящий орган, является внутриведомственной перепиской, размещение которого в справочных электронно-правовых системах не свидетельствует о его нормативном правовом характере и обязательности применения для широкого круга лиц.